

КОМИЛ СИНДАРОВ

ТАЙНА БИБЛИОТЕКИ ТЕМУРИДОВ

12+

Комил Синдаров

Тайна библиотеки темуридов

«Автор»

2022

Синдаров К. О.

Тайна библиотеки темуридов / К. О. Синдаров — «Автор», 2022

В ваших руках книга об известных, но не до конца раскрытых тайнах истории. Об убийстве простого пастуха из кишлака Хазрат Башир, о раскрытии преступления с усердием взявшихся за это дело талантливых следователей, о причастности к этому преступлению множества людей, а вслед за этим делом об открывшихся следах других преступлений. Какова может быть связь между библиотекой древних Темуридов и убийством простого пастуха? В какой степени соответствуют между собой времена и эпохи? Оставим открытыми ответы на вопросы. Лучше после чтения книги призовем вас к ее обсуждению.

© Синдаров К. О., 2022

© Автор, 2022

Комил Синдаров

Тайна библиотеки темуридов

Вместо предисловия

В ваших руках детективная повесть, являющаяся логическим продолжением нашей книги «Дорогостоящая ошибка» (или «Буря в сердце мстителя»). И хотя события в них совершенно разные, основные герои в них всё те же следователи прокуратуры Фахриддин и Санжарбек.

Связанная с поисками внезапно исчезнувшего прокурорского работника их работа в «Дорогостоящей ошибке», потребовала от них для раскрытия преступления профессионального мастерства, знаний, усердия и сметливости, теперь же в «Убийстве в овечьем загоне» они приступают к раскрытию загадочного преступления, произошедшего в предгорьях в овечьем загоне неподалеку от кишлака Хазрат Башир и связанного с убийством пастуха.

С первого взгляда ничем не примечательное это дело с каждым шагом осложняется и связывается теперь с примечательным и трагическим историческим событием – исчезновением в 15 веке библиотеки Темуридов или Мирзо Улугбека, тем самым поднимаясь до преступления века.

Не секрет, в сегодняшней узбекской литературе удельный вес детективных произведений невелик. А читатель нуждается в них. Особенно, можно по пальцам пересчитать количество художественных произведений, показывающих трудоемкий и славный труд следователей, побуждающих читателя к серьезному обсуждению, служащих повышению его правовой культуры.

Работая над «Тайной библиотеки Темура» мы поставили перед собой три общих цели:

Главной нашей целью было изменить, устранить сохраняющееся у людей в течение многих лет превратное представление о прокуратуре, как только об обвинительном, карающем органе, на примере образов Фахриддина и Санжарбека правдиво отобразить чрезвычайно тяжелый, но славный труд следователей прокуратуры, когда нужно «сто раз отмерить, прежде, чем отрезать», показать на жизненных примерах и в художественных красках их многогранную, очень тонкую работу на пути обеспечения справедливости, незыблемости правды и закона и, в итоге, пробудить в сердце читателя чувство любви и уважения к этим профессионалам высокой квалификации.

В повышении правовой грамотности и правовой культуры населения значительна роль детективных произведений. С этой точки зрения мы посчитали еще одной своей целью внедрить в сознание простого читателя чувства неизбежности наказания за преступления, неприемлемости наказания против невиновного человека, объявления личности виновной только по судебному решению, определения основным критерием деятельности следователей принцип превосходства справедливости и закона.

Кроме этого, мы в своем произведении решили описать одно из событий, долгие годы остающееся черным пятном в истории.

Известно влечение Сохибкирона Амира Темура к наукам, к книгам. Куда бы он не направлялся, какую бы территорию не захватывал, к книгам он обращал большее внимание, чем к другим сокровищам, думал о сохранении редких рукописей, об обогащении научного наследия, о бережном отношении к ученому миру и создании необходимых условий для ученых. Он создал самую большую для того времени библиотеку в райском Самарканде. Здесь он, кроме созданных на земле Турана нашими великими предками произведений, собрал редкие рукописи, привезенные из Индии и Хорасана, Азербайджана и Армении, Багдада и Дамаска, Каира и Анкары, Ирака и Рима. Эта выдающаяся обитель науки, названная библиотекой Темуридов или библиотекой Улугбека, после гибели Мирзо Улугбека силами пришедших к власти

религиозных фанатиков и невежественных сил втайне была уничтожена. Исторические источники подтверждают, что библиотека имела место, она существовала. Однако об ее уничтожении, устроенном поджоге или перенесении ее в другие места, о других каких-либо природных катаклизмах, явившихся причиной ее небытия, в этих источниках ни слова нет. Историки обязательно написали бы, если бы знали. Значит, эта великая библиотека у нас, на нашей земле! Где – то в горах, в какой-нибудь пещере, а может быть в Самарканде лежит и ждет нас в каком-то уголке. По этому поводу есть даже несколько научных гипотез. Однако после исследований европейских и русских ученых почти двухвековой давности поисками библиотеки Темуридов до сих пор никто серьезно не занимался...

Думая об этом, я много лет мечтал написать что-то существенное по этой проблеме, хотел привлечь внимание общественности. Мы даже с моими друзьями – историком Камолхоном Каттаевым, академиком Бакиром Зариповым, математиком Абдусаматом Мамаюсуповым, предпринимателем Халикулом Зайдуллаевым, посоветовавшись, думали устроить научную экспедицию с целью нахождения этой тайной библиотеки.

Включение в содержание детективного произведения данной исторической действительности и было моей целью.

Представляя Вам, дорогой читатель, вторую свою книгу в этом жанре, жду ваших отзывов с мыслями и мнениями о ней. Ибо ваша объективная оценка, ваша поддержка даст мне силы и вдохновение написать новые произведения, рассказав в необходимом художественном оформлении о будущей, еще более сложной работе Фахриддина и Санжарбека по раскрытию преступлений, имеющих место в реальной действительности.

С уважением,
Комил Синдаров

Внутренний телефон зазвенел, когда Фахриддин зашел в свой кабинет. «Кто бы это с утра?» – подумал он и снял трубку:

– Слушаю.

– Фахриддин Каримович, привет! Как отдохнули? Срочно зайдите ко мне! – Тахир Гафурович был краток.

Следователь взяв ручку, бумагу, поспешил в кабинет заместителя прокурора.

– Фахриддинджан, Как домашние? Невестка, дети... хороши? – заместитель прокурора приветливо начал разговор.

– Спасибо, Тахир – ака. Как вы сами? – Фахриддин по тону голоса начальника понял, что предстоит серьезное задание. Обычно, когда начальнику предстояло поручить серьезное дело, он обращался к нему с «джан».

– Я только что говорил с прокурором Кашкадарьинской области. Вам придется ехать в служебную командировку в Китабский район, где произошло преступление со смертельным исходом.

– Что за убийство?

– В окрестностях кишлака Хазрат Башир найден труп пастуха. Интересно то, что в его кармане найдена золотая монета четырнадцатого века. И это еще не всё... – Тахир Гафурович отпил чай из пиалы с хлопковым узором и продолжил. – В пастушьем загоне найдена древняя книга...

– Что еще за книга? – Фахриддин был удивлен.

– Как считает самаркандский ученый Камолхон Каттаев, эта книга принадлежит мыслителю, жившему в 10-11 веках... – заместитель прокурора взглянул на лежащую перед ним на

столе бумагу и, запинаясь, прочитал ее. – Это оказалось, оказалось произведение А-б-у За-йда Да-бу-сий «Ал-Ан-вор фи у-су-ли-л-фикх».

– О чем-то само произведение? Неужели книга старинная?

– Написана-то десять веков назад. И перевод названия я записал, вот он... – Тахир Гафурович, надев очки, опять углубился в бумагу. На узбекском это будет, это будет... Вот – «Лучи, открывающие основы богословия». Вот так! Дабусий был выдающимся ученым – правоведом своего времени.

– Вот это да, не знал!

– Мы с вами когда, в какое время учились! Правильно, в советское время. Духовное наследие великих своих предков не изучали, даже имен их не знали, запрещалось знать. Идеология не стеснялась называть великого Амира Темура кровопийцей, а Бобура завоевателем. Да что говорить!.. Областной прокурор считает, что мотив убийства возможно связан с этой золотой монетой и книгой. Короче, надо выехать на место, там и выяснить, что да как да почему. Если вывод прокурорский верен, дело возьмете к своему производству. Действуйте по обстоятельствам. Одного их следователей, лучше Санжара Рахмонова можете взять с собой.

– Когда можно выехать?

– Билеты на вечерний рейс уже заказаны. Оформить документы и подготовиться к отъезду у вас хватит времени. – Тахир Гафурович поднялся. – Если вопросов нет, удачи вам!

– Спасибо, всё понятно! Как прибудем на место, я сообщу вам. – Фахриддин по-прежнему повернулся к двери...

Самолет поднялся в воздух в назначенное время. Фахриддин, немного опустив свое кресло, устроился поудобнее и закрыл глаза. Санжарбек, взяв газеты и журналы из заднего кармана переднего кресла, начал листать и просматривать их. Взяв из своей сумки ручку, начал разгадывать кроссворд:

– Пять букв, сорт дыни, начинается с «а».

– Амири – сразу ответил Фахриддин, не открывая глаз.

– Правильно... следующее – произведение Саида Ахмада, три буквы.

– Уфк – горизонт.

– И это верно. Американский штат, начинается с «а».

– «Аризона».

– А-р-и-з-о-н-а, совершенно правильно. Самое тяжкое преступление.

– Убийство.

– Есть... Кстати об убийстве. Я, Фахриддин-ака, не совсем понял. Вы сказали, потом поговорим. С какой это целью мы в Кашкадарью летим? – сказал Санжарбек, укладывая журнал на свое место.

– Убили пастуха, – спокойно ответил Фахриддин.

– А что, не нашлось, что ли, у них в области следователя расследовать обыкновенное убийство? На таком расстоянии нас беспокоить.

Фахриддин открыл глаза и с улыбкой посмотрел на товарища:

– Но на обычное, как ты думаешь, убийство, оно не похоже. У убитого в кармане найдена древняя золотая монета, а в загоне какие-то старинные книги найдены.

– Правда? Что, пастух сокровища нашел? – Санжарбек сразу пришел к выводу.

– Может быть, может быть. Всё может быть. Что-то сейчас трудно сказать. Доедем, посмотрим! Ты слышал об Абу Зайде Дабусий?

– Что за Дабусий?

– Слышал или нет? – Фахриддин повторил вопрос.

– По-моему в арабском «Ал-Иттифак» или у иранцев в каком-то футбольном клубе играет, – предположил Санжар.

Фахриддин от души рассмеялся. Еле остановив себя, выдавил: «Так футболист значит!».

– Или руководитель какого-то государства? – Санжарбек продолжил свои догадки, испугавшись упреков шефа в незнании типа «даже этого не знаешь?».

– Не знаешь такого великого человека, а еще ответственный работник авторитетного учреждения, квалифицированный юрист. – Всё еще не переставал смеяться, донимая своего ученика, Фахриддин. – Эх, деревенщина!

– Устоз, не мучайте, скажите, кто это? – изводил себя Санжарбек.

– Это живший в десятом веке в Туране и развивший богословскую науку наш великий предок. Неужели ты не читал его известное произведение «Ал-Анвор фи усули-л-фикх»? – сказал тот, сделав умное и знающее лицо.

– Нет, не читал! Может в студенческие годы и читал, да, наверное, забыл... – дрогнул ученик.

– «Может читал», говоришь! – сказал, улыбнувшись, учитель. Затем, посерьезнев, сказал:

– Если уж точно, я тоже об этом у Тохир-ака утром и узнал.

– Вот это да! Меня-то «деревенщиной» обозвал, а сам...

Учитель теперь уже спокойно рассказал всё что знал о Дабусий и убийстве в Китабе. Думающий доселе о том, что «не могли что ли сами расследовать, чего нас беспокоить», Санжар, поняв теперь о цели их поездки, подумал только, что двумя – тремя днями эта их поездка не обойдется...

Фахриддин Каримович опять отбросил голову на подголовник своего кресла и снова закрыл глаза. Видно было, что он не спал, а о чем – то думал в это время, наверное, о том, как спланировать завтрашний день. Санжарбек не стал больше досаждать ему с вопросами. Посмотрел, что там творится за окном. С высоты всё смотрелось как на ладони. Разлеглись каршинские степи... змеиные тропы... большие отары... дома, что спичечные коробки... машины... какие удивительные картины...

– Уважаемые пассажиры! Пристегните свои ремни! Мы скоро приземлимся в городе Карши. Температура воздуха 24 градуса... – послышался приятный голос стюардессы.

Все поспешили пристегнуться.

– Быстро же мы долетели! Какова сила техники –а! Отцы – деды наши это расстояние на лошади за неделю – десять дней, небось, проходили. – сказал Санжарбек, не отрывая взгляда от окна.

– Да, Санжарбек, посчастливилось нам жить в этом удивительном мире. С приходом техники все стороны теперь на расстоянии шага. События для наших предков удивительные, кажутся нам простым случаем. Телевизор, интернет, сотовый телефон, самолет... действительно чудо... Наши деды – прадеды большую часть своей жизни в войнах провели, не слезая с лошади. Жить в мирное время – разве уже не счастье?

– Да что говорить! Для человека умного, знающего, жить в этом мире – само по себе счастье. Но и этому люди недовольны. В эти мирные, изобильные, спокойные времена невольно задумаешься о до сих пор происходящих убийствах, кровопролитии. С чего это передовой во всем человек не может с корнем устранить преступность? – Санжарбек с удовольствием заметил, что собеседник слушает его внимательно. – Человечество, достигшее таких высот, не может справиться с преступностью. Как это...

– Ну ты и философ! Напиши уж диссертацию по этой теме! – сыронизировал Фахриддин.

– А с другой стороны, думаю, если бы этих преступлений не было, мы бы с вами так не путешествовали. Так ведь?! – решил всё повернуть в шутку Санжарбек.

– Ну уж сами мы избрали эту профессию. Надо терпеть. В каждом обществе случается преступность. Но от общества как раз зависит увеличение или уменьшение преступности.

– Были времена, голодные эпохи, когда люди, чтобы наполнить свой желудок, уберечь семью от голода шли на кражи, грабежи, занимались разбоем. Это можно понять. Но сейчас-то в мирное и сытое время что за страсти совершать преступления. Чего ж подвергать свою жизнь опасности, нарушать закон?! Ведь есть возможности, найди и работай! – Санжарбек повернулся к учителю: «ну как я?», надеясь на его одобрение.

– Верно, изначальная причина преступления упирается в имущество человека. Однако преступление совершается не от голода, бедности, отсутствия других возможностей жить, – Фахриддин посмотрел в окно снижающегося самолета и продолжил. – Вот ты на своем опыте встречал человека, совершившего преступление ради того, чтобы набить свой живот? Как раз наоборот, преступность в основном бывает из-за озорства и сытости. Богатый человек хочет еще больше. Если он нашел свое богатство нечестным, грязным путем, он снова захочет съесть грязное, нечистое. И на этом пути не остановится, не насытится. Такие найдут простоватых, безграмотных и нуждающихся людей и сделают их соучастниками своих преступлений. Часто как раз эти преступления и совершаются руками таких вот неприкаянных.

– Согласен, в моей практике людей, совершивших преступления из-за бедности, можно по пальцам пересчитать. Когда я работал в районной прокуратуре, поймали ребята из милиции парня. Как нам стало известно, он учился в протехучилище, а кроме матери и сестры у него никого и не было. Мать – обычный дворник, сама растила двоих. В один из зимних дней заболела. Вызвали скорую. Доктор выписал уйму лекарств. Сын, взял все деньги, что были дома, и пошел в аптеку. Но их не хватило. И вот не зная, что делать, торчит на улице. Думает, как же пойти домой с пустыми руками. Наступил вечер, он и залез к богатому соседу, вытащил велосипед. Продал в соседней махалле, а на вырученные деньги матушке купил необходимые лекарства...

Самолет наконец остановился на взлетной полосе и пассажиры оживились, всюю задвигались.

– Ну и, что дальше-то случилось с парнем? – Фахриддин, не обращая внимания на пассажиров, смотрел на ученика.

Вы сами прекрасно знаете, незаконное проникновение в помещение и кража считаются тяжким преступлением. По закону следовало арестовать юношу. Но наш прокурор, взяв на себя всю ответственность, отпустил того. Ох, какой шум поднялся, сколько он тычков получил! Но, слава богу, областной прокурор утвердил его решение, как единственно верное. Только тогда всё улеглось. Покойный Маъруф Восикович был честный, совестливый и справедливый прокурор!

– Да уж, не всякий на его месте такую ответственность взял бы на себя. Но, что бы ни было, это по большому счету справедливо, – Фахриддин снял ремень и поднялся...

В аэропорту гостей встретил следователь по особо важным делам областной прокуратуры Неъмат Хамидов. По дороге он много и с удовольствием говорил о строительстве и благоустройстве в его родном городе. Санжарбек был здесь впервые, живо заинтересовался и задавал вопросы. Сидящий на заднем сиденье Фахриддин был тут много раз и не обращал на них внимания, а был занят своими мыслями: как же старинная монета оказалась в руках пастуха? Наследство предков? Или нашел сокровища? Тогда почему она одна? А остальные? Преступники сначала заночевали у него, а потом убили? Тогда почему оставили монету? Или не заметили? А может убийцы не знали об имеющемся у него золоте. Может же быть совсем другим мотив преступления. А если пастух монеты на деньги по одной разменивал? Кто были мать – отец, его предки? А причём тут книга Дабусий? Как могла у простого пастуха неизвестная науке книга? Где она была более десяти веков, как хранилась? Да уж, для ответов придется призвать к работе специалистов...

Следователь привел гостей прямо к заместителю прокурора Фархаду Шириновичу. После обычных приветствий Фахриддин Каримович сразу перешел к делу:

– Фархад Ширинович, с вашего разрешения мы в кабинете следователя ознакомимся с уголовным делом. А потом обсудим вместе!

– Да, конечно! – Фархад Ширинович поднял телефонную трубку. – Махкамджан, принесите уголовное дело.

В кабинете моментально появился высокий, лет тридцати, темного цвета кожи здоровенный мужчина с толстой папкой в руках.

– Это наш следователь по особым делам Махкам Хакимович, – Фархад Ширинович представил по очереди и гостей. Затем, повернувшись к Фахриддину Каримовичу:

– Пожалуйста, вы в кабинете Махкамджана пока познакомьтесь с материалами. А потом будем размышлять.

Гости прошли в другой кабинет и плотно занялись изучением дела, записывая отдельные эпизоды из него на бумагу, рисуя какие-то чертежи и схемы. Задавая различные вопросы Махкаму Хакимовичу, хотели понять, определиться в сути дела.

Потом собрались в кабинете Фархада Шириновича, чтобы продолжить обсуждение:

– Дело оказывается сложнее, чем мы думали, – начал Фахриддин Каримович. – Пастух Норбута связан каким-то образом с какой-то преступной группой. Начальная стадия преступления уходит, по нашим предположениям, в Ташкент или Самарканд. Потому что эти старинные монеты и древние, редкостные книги мало кого здесь интересуют. Только понимающий специалист может оценить эти древности...

– Согласен с вами, – Махкам Хакимович присоединился к разговору. – По словам жены пастуха, он в последнее время не возвращался домой по 10 – 15 дней. Но куда ходил и чем он там занимался жене не говорил. Кроме этого, мы выяснили, что в Шахрисабзе и Китабе нет людей, занимающихся коллекционированием или обменом, куплей – продажей древних монет или старых книг.

– Может быть убийство пастуха не связано с этими древностями, – заместитель прокурора приглашал коллег к дискуссии. – Убийство ведь может быть связано и с его личной жизнью!

– Мы проработали и эту версию, – начал, встав с места, Махкам Хакимович. – Семейные отношения пастуха, его связи с близкими, друзьями и знакомыми по возможности подробно изучены. Какие-то противоречия и несоответствия не отмечены. Несмотря на это, мы не остановились...

– Ознакомившись с материалами дела, показаниями свидетелей, я пришел к выводу, что убийство не связано с личной жизнью пастуха, – присоединился к разговору листавший папку Санжарбек,

– Удивительное в том, что убийцы работали умело, не оставили никаких следов, никаких улик, свидетелей тоже нет! – с сожалением сказал всё еще стоящий Махкам Хакимович.

– Я одному удивляюсь! В кишлаке посторонний человек, незнакомая машина сразу бросятся в глаза. Неужели убийц никто не видел, не заметил?! – с горечью высказался Санжарбек.

– Дело в том, что в кишлаке расположено святое место, место поклонения Хазрату Баширу, туда каждый день идут много паломников. По этой причине местные не очень-то обращают внимания на чужих и транспорт. Из-за этого и свидетелей нет... – заключил Махкам.

– Да, до сих пор неизвестны ни мотивы преступления, ни детали убийства. В день убийства вечером пошел дождь, что тоже помогло преступникам. Много следов просто смыто. Короче, на это время в наших руках никаких улик и дельных, толковых предположений. Ясно, что нелегко будет его, это дело-то раскрыть... Я думаю, следствие по нему нужно передать работникам республиканской прокуратуры, – сказал Фахриддин Каримович, как бы заключая обсуждение. – Санжарбек, оформите необходимые документы. А я сообщу руководству.

– Спасибо, Фахриддин – ака! Без вашей помощи раскрыть это преступление было бы трудно, – с облегчением вздохнул Фархад Широнович. – Но мы тоже не будем сложа руки сидеть, включим в группу самых опытных. Вот, Махкам Хакимович в вашем распоряжении будет постоянно.

– Спасибо, Фархад Широнович! Вы занимайтесь своими делами. Мы с ребятами еще с часок здесь поработаем. А утром выедем на место. Пока же до свидания! – Фахриддин взяв папку с делом направился к выходу.

Следователи потянулись следом за ним.

– А живот – то к спине уже пристал. Время-то уже, кажется, вон уже больше десяти, – заворчал Санжарбек на слова шефа о «еще час поработаем».

– Надо всё четко спланировать на завтра. А поесть успеем! – холодно заметил Фахриддин. Зная характер шефа, Санжарбек только пожал плечами...

Кишлак Хазрат Башир находился достаточно далеко от райцентра. Машина спешила в сторону гор сквозь возвышенности и холмы, а дорога всё сужалась и справа отчетливо стала виднеться красивая и с пылом шумевшая бегущая вниз река.

– Что за река? – спросил Санжарбек, покоренный удивительными картинами здешней природы.

– Истоки реки Кашкадарьи начинаются здесь, – ответил не отрывающий глаз от дороги Махкам.

– Вода-то совершенно синяя! В жизни не видел такие красивые места!

– Да, на самом деле прекрасно! Эти места особенно очаровательны в весну. Были времена, когда Сохибкиран Амир Темур, Мирзо Улугбек и другие Темуриды шли из Самарканда по этому пути, наслаждались тут бесподобной природой.

– Это та самая караванная дорога между Самаркандом и Кешем? – тихо наблюдавший окрестности Фахриддин повернулся к Махкаму.

– Да. Смотрите сами, разве может быть лучше условий для караванной дороги? С одной стороны шумит бегущая река, с другой горы, а впереди сады...

Фахриддин кивал головой собеседнику, а сам был в мыслях совсем в другом месте: «Старинные рукописи, золотые монеты... может они из имущества династии Темуридов, часто проходивших по этим древним дорогам. Всё может быть. Возможно так случилось, что спрятанные сокровища были когда-то найдены предками пастуха. Может они служили правителю»...

– Подъезжаем! – оборвал его думы Махкам.

Из-за скал выглядывало и уже вовсю блестело весеннее солнце. Поля были одеты в зеленое платье, холмы невестились и скромно моргали друг другу.

Въехали в кишлак, когда весеннее солнце совсем разогрело всё вокруг, да так, что всё живое здесь давно проснулось. Со стороны гор шла тонкая прохлада, принося сердцам особую теплоту.

– Дом пастуха здесь, в этом кишлаке. А загон немного выше. Куда ехать? – Махкам Хакимович нарушил тишину и посмотрел на руководителя группы.

– Сначала поедем на место происшествия, – Фахриддин никак не мог оторвать глаз от здешних красот, от чарующей природы.

Машина поспешно пошла вверх мимо ям и рытвин.

Загон располагался в самом подоле горы. Уединенное это место с домом с дымящейся трубой было гораздо прохладнее по сравнению с кишлаком.

Следователи, покинув машину, пошли в сторону дома. Один из роющих в яме пастухов отделился и пошел навстречу гостям.

– Это помощник пастуха – Яхшилик – ака, – сказал Махкам Хакимович, поздоровавшись с тем .

Пастух со всеми поздоровался за руку и пригласил гостей в дом. Хижина состояла из двух комнат, большая, кажется, предназначалась для младших пастухов – здесь стояли четыре железных кровати, а в середине стоял допотопный стол, повыше разбитый шкаф. На входе была чугунная печка, изо рта которой вырывался наружу горький дым, от которого было тяжело дышать и почти ничего не видно.

Пастух нащупал и открыл окно. Мгновенно прибыло свежего воздуха и в комнате стало светло. Несмотря на приглашения хозяина присесть с дороги, следователи так и остались стоять и стали рассматривать комнату.

– Убийство произошло здесь. Труп найден вот здесь, – сказал Махкам Хакимович и показал на место возле шкафа. Эта комната для общего пользования. Днем служила кухней, а вечером и ночью здесь отдыхали помощники пастуха. Мы тут каждый кусочек территории под лупу обсмотрели, но ничего существенного не нашли...

– Значит, плохо искали! – пробормотал Санжарбек, уже роющийся в шкафу

Махкам попытался было что-то ответить, но, подумав, что тем самым обидит гостя, промолчал.

А Фахриддин ходил уже по комнате из угла в угол, стремясь хоть что-то найти, заметить.

– Старший пастух жил в следующей комнате, – Махкам Хакимович посмотрел на шефа и как будто хотел сказать: «напрасно тратите время».

Фахриддин качнул головой типа: «Да знаю я» и продолжил разговаривать сам с собою: «По материалам видно, что убийцы были знакомы пастуху. Поэтому естественно, что он их пригласил в дом. По тому, что они не оставили нигде следов своих пальцев, видно, что преступники были опытны в своем деле. Были осторожны, работали умело. Однако любой хитрец – преступник всё равно оставит след. Дело в том, как этот след найти...».

Фахриддин нагнулся и заглянул под стол. Под ножкой стола, ближайшей к окну скрывался предмет, похожий на монетку. Нашупав, взял. Оказалась пуговица. Женская, кажется.

– Вот, посмотрите сюда, он показал пуговицу Махкаму. – Под столом нашел. Здесь женщина тоже живет?

Махкам осторожно взял пуговицу в руки, внимательно осмотрел ее:

– Да, на самом деле женская, – проворчал он. – Но здесь никакой женщины нет! Наши парни всё тут прошерстили! Что же это такое, откуда она вышла?

– Вот здесь она лежала, – показал Фахриддин. – Видимо ребята не обратили внимания.

Теперь уже Санжарбек взял пуговицу и позвал пастуха, крутящегося тут у двери:

– Яхшилик – ака, не знаете, чья эта пуговица?

Пастух посмотрел, холодно ответил:

– Не знаю.

– Пуговица женская. Здесь живут женщины? – Фахриддин приблизился к пастуху.

– Нет, конечно. Что им тут делать, женщинам? – пожал плечами Яхшилик – ака.

– Подумайте, вспомните, может кто из ваших жен, дочерей приходил проведать, – присоединился к разговору Санжарбек.

– Да нет! Не с-т-у-п-а-л-а еще сюда н-о-г-а женщины! – пастух стал заикаться от волнения.

– И что, из маминого гроба вывалилась что ли?! – вспыхнул Махкам.

Фахриддин зло посмотрел на следователя. Затем взглянул на пастуха, и, как бы извиняясь за своего коллегу, вежливо обратился к тому:

– Яхшилик-ака, хорошо подумайте, может в ваше отсутствие какая-то женщина приходила?

– За два дня до того несчастного дня, я отпросился домой к заболевшему сыну. Если в это время кто! А больше я ничего не знаю! – ответил тот.

– К несчастью, все пастухи в тот день тоже ушли в кишлак. Так ведь, вы же так сказали на допросах?

– Да, перед праздником другие пастухи тоже пораньше ушли по своим домам. Кто знал, что такое несчастье нас ожидает?!

– Дорогой брат, вспомните получше, в те дни в загон кто-то приходил. Иначе как тут может потеряться женская пуговица? Не может же мужчина быть в женской одежде, – Фахриддин осторожно подступал к пастуху, стремясь разговорить того сладкоречием.

– Да не видел я тут чужих в эти дни. Хотя...

– Ну и! – следовательно оживился.

В этом году не знаю, а в прошлом году женщина, Садокат ее зовут, один – два раза приходила. А больше, что сказать... больше других женщин я тут не видел.

– Кто же эта Садокат?

– Да знакомая она... хозяйина!

– что за знакомая, где проживает? Говорите уж, не тяните.

– Эй, ты... голова... что ты тут мелешь, что ж ты раньше на допросах об этом и рта не раскрыл, а?! – сидевший в стороне Махкам готов был опять вспыхнуть.

– Махкам Хакимович... прошу вас! Подождите... – Фахриддин остановил коллегу. Затем снова повернулся к пастуху:

– Кем Садокат Норбуте приходится?

– Да она в Китабе живет. Хозяин к ней похаживал. Ну это, как сказать... второй была...

– Второй женой, вы хотите сказать? – теперь уже не вытерпел Санжарбек.

– Да, можно и так... сказать. Но никто этого не знал. Как бы эта беда и на мою голову... Следователи сообща в один момент «наесли» на пастуха и вывели всё, что смогли.

А после они еще раз осмотрели комнату пастуха и место происшествия. Но больше улик, заслуживающих внимания, не нашли. Остальные пастухи тоже были допрошены, а затем, забрав с собою Яхшилика, следователи отправились обратно. По дороге заехали в кишлак, зашли в дом старшего пастуха. Обследовали комнату Норбуты, его личные вещи и одежду. Поговорили с женой Мастурой и взрослыми дочерьми Нигорой и Нодирой. Но никакой новой информации...

Въехали в город Китаб, когда на небе уже светил во мраке молодой полумесяц, напоминавший кому-то отрезанную дынную дольку, а кому-то – брови любимой.

Яхшилик – пастух хоть и несколько раз ошибался дорогой, но в конце концов нашел дом Садокат. Как доехала машина до одного из привлекательных, добротных и уютных, построенных по современному типу домов, так он и вскрикнул:

– Стойте, вот он! Фахриддин – ака, прошу вас, мне ж неудобно! Может я не найду... ну, сами понимаете, женщина... на меня подумает...

– Ладно, сидите в машине, – сказал шеф, сходя с машины.

Калитку открыла молодая красивая женщина лет 25 – 28 в траурном синем платье. Следователи показали свои удостоверения и представились. Женщина, даже и не посмотрев на книжечки, пригласила гостей внутрь.

Санжарбек, войдя во двор и с интересом оглядываясь тут вокруг, подумал было: «Ничего себе, вторая то... жена недурно живет». Во дворе было чисто, газоны пострижены, арочным насаждениям были приданы красивые формы, дорожки были освещены лампами, а в середине двора изящный фонтан привлек его внимание.

Чистота, богатство и уют внутри дома говорили о характере и желаниях хозяйки дома. Комнаты симметрично украшены. Дорогая иностранная мебель, яркие персидские ковры, диковинные цветы в горшках, большие и малые хрустальные люстры, разноцветные картины, современная теле и видеоаппаратура приумножали впечатление.

Фахриддин всё осматривался вокруг, он, как и все здесь, чувствовал себя как в музее. В голову пришла мысль: «и так живет обычный пастух... можно ли иметь такое богатство благодаря трем – четырем овцам? Пастух, кажется, на самом деле нашел сокровища!».

Хозяйка принесла чай и, повинуясь приглашению, осторожно села на стул.

– Сестра, мы по поводу смерти Норбуты – пастуха. У нас к вам два – три вопроса, – вежливо начал разговор руководитель. – Скажите, каковы были у вас отношения с этим человеком.

Женщина, немного подумав, не поднимая головы, вежливо ответила:

– Познакомившись с Норбута – ака, ... прошли никох, сочетались браком, стали вместе жить... Я у него была второй женой.

– Когда в последний раз вы видели его?

– За два дня до смерти он приходил домой. На ночь остался. А утром ушел. Сказал, что придет послезавтра. Но...

– Когда вы узнали о смерти мужа, от кого?

– В тот день к вечеру позвонил пастух, Яхшилик его зовут. Я не знала, что делать. Побежала забрать сына... привела Улугбека из школы. Хотела поехать на похороны. Позвала младшего брата. Он не разрешил. Сказал: «Сам поеду на поминки, а вам там нечего делать. Здесь соблюдайте траур»... – Женщина глубоко вздохнула.

– Кто мог убить вашего мужа? На кого вы могли бы подумать? – следователи осторожно стали углубляться в тему.

– Не могу и помыслить... мне он многих вещей не говорил, не рассказывал. Но в последнее время что-то его беспокоило...

– Как вы поняли это? Может быть он что-то всё-таки говорил?

– Нет! Мне он ничего не говорил. Но вел себя... немного по-другому... А может мне показалось...

– Скажите, вы в курсе, что из кармана умершего найдена старинная золотая монета, а в загоне – древняя книга? Где пастух мог их взять?

Садокат замолкла. По ее поведению нетрудно было заметить, что она знала об этих вещах. Фахриддин не торопил ее, пусть соберется с мыслями.

– Говори уж, что знаешь, не жмись! Что возишься! – Махкам Хакимович словно взбесился. – С такими надо в конторе говорить!

Фахриддин прижал указательный палец ко рту, требуя замолчать.

– Не знаю... мне он ничего не говорил... – сказала женщина, так и не подняв с пола глаз.

Фахриддин еще раз спокойным тоном повторил вопрос, напомнив ей, что она всего лишь свидетель и ей надо бы всё, о чем она знает, рассказать, и сказать правду. Но женщина стояла на своем: «не знаю» и всё.

– Как же ты не знаешь, всё эти твои пожитки четырьмя баранами найдены, что ли?! Или думаешь, мы поверим твоим сказкам? Кого ты хочешь обмануть, а? – Махкам опять начал горячиться. – Тогда откуда взялся такой богатый дом, эти вот дорогие вещи, скажи?! Неужто, не стесняясь тут никого, будешь повторять, что ничего не знаешь?!

Но женщина словно проглотила что-то и боялась открыть рот. Трудно было догадаться, что происходило у нее в голове, что проносилось в мыслях.

– А с соперницей вашей какие у вас были отношения? Она знала о ваших похождениях? – Санжарбек специально не включал слово «любовь».

– Кажется, не знала. Мы не встречались. – коротко ответила Садокат.

– Вы ходили к мужу в загон? – Фахриддин начал «атаку» с другой стороны.

Садокат словно поперхнулась. Но постаралась себя не выдать, придать ответу беспечность:

– Да в прошлом года весной пару раз ходила...

– А в этом году, в эти дни ходили?

– Нет!

– Подумайте хорошенько, для нас и для вас это очень важно, – включился до сих пор молчавший Санжарбек.

Женщина подняв голову, посмотрела на Санжарбека и, словно сказав: «нет же, я уже сказала!», опять уперлась взглядом в пол.

– Садокатхон, ладно, если на самом деле вы в эти дни не ходили в загон – хорошо, но если вы нас обманываете, хотите запутать следствие... вы перейдете уже в разряд подозреваемых. Вы понимаете что это такое? – руководитель повысил голос.

– Я... я... вам... говорю, что знаю! Садокат запинаясь в словах.

– Хорошо, мы вам верим. Тогда покажете нам свою весеннюю – зимнюю одежду, я хочу сказать, пальто, куртку? – Фахриддин поднялся со стула и подошел к женщине..

– Какую одежду? Вам что нужно-то? – женщина сверкнула глазами на следователя, она была в замешательстве.

– Да свои пальто, плащ, куртки, ну то, что вы одеваете, вынесите, мы должны проверить одну вещь, – растолковал ей Санжарбек.

Садокат нехотя сдвинулась с места, поднялась, ушла в левую комнату. Через небольшое время вернулась, держа в руках кучу одежды. Санжарбек проворно взял всё это из ее рук и внимательно раз за разом стал проверять одежду. Все ностороженно следили за ним. Но вот наконец:

– Фахриддин – ака, вот посмотрите! – в его руках был черный плащ. – Нижней пуговицы нет!

Руководитель открыл свою сумку, достал из нее пуговицу, уложенную в целлофановый пакет, передал ее Санжарбеку, а тот стал сравнивать ее с пришитыми к плащу:

– Да! Та самая! Из него упала! – сказал он, еще раз сверившись. Затем спросил у женщины, стоявшей рядом и удивленно смотревшей то на него, то на плащ, то на других:

– Этот плащ ваш, вам принадлежит?

– Да, мой! Что случилось?..

– Да вот одна пуговица с него слетела. Когда, где вы ее потеряли, не вспомните? – Фахриддин взяв плащ в руки приблизился к женщине.

– Н-е-т! Даже и не заметила! Его я мало надеваю...

– А теперь скажите-ка, как же ваша пуговица оказалась у печки Норбуты – пастуха? – сказал Фахриддин, показал на пуговицу в пакете.

Садокат словно остолбенела. То на плащ, то на следователя бросались ее глаза, потом наклонила голову и села на свой стул.

Следователь понял, что «соперник» опешил от сокрушительного удара и перешел в «атаку»:

– Садокатхон, когда вы ходили в загон, с какой целью?

Женщина всхлипывая и икая начала плакать. Следователи ее не торопили, они были не против, ведь та уже «сдалась», а теперь пусть поплачет, сердце освободит, успокоится, соберется с мыслями...

Садокат начала разговор издалека...

Когда был жив отец, мы не знали, что такое нужда, невзгоды, горечь. Жизнь наша протекала тихо и без всяких недостатков. Сам-то он, хотя и был простым учителем, меня и сестер моих поднял так, что мы ни в чем не нуждались никогда. Он для нас был и убежищем от всяких бед, и наставником во всем. С его смертью горе и несчастья широко открыли нам свои двери. С кончиной отца маму, много лет проработавшую медсестрой, уволили, обвинив в каких-то там неправильных процедурах больному. Она, чтобы доказать, что была права, в какие только двери не стучалась, с кем только не встречалась... В это время начались у нас и денежные про-

блемы. Я тогда училась в колледже. Сестры были заняты собой. А что делать: у старшей уже четыре, а у второй три ребенка были на руках, сами жили впроголодь. И как будто и этого не хватало, вторая сестра поругалась со свекровью, собрала свои пожитки и со своими малышами – цыплятами вернулась к нам...

Под лежащий камень вода не течет. Прошло совсем немного времени, кончились и последние наши накопления. Было время, жили на деньги от проданных маминых и сестринных золотых вещей... В это время мама с приступом попала в больницу. Врачи сказали: «без операции не обойтись». Повезли ее в Ташкент. Операция требовала больших денег. Пришлось занимать денег у близких и знакомых. К счастью операция прошла удачно. Мама вышла здоровой. В те дни и проблем в семье вроде стало меньше. Но пришлось расплачиваться по долгам и во сто раз тяжелее стало, очутились мы одни перед горем. Давшие когда-то в долг, показавшие когда-то душевную щедрость, теперь с упреками набросились на нас. Не хотели даже слушать об отсрочке долгов... Несчастливая мама не могла даже выйти за порог. Стала бояться малейшего звука, заимела привычку прятаться в доме. Если голоден, то можно и черствый хлеб съесть. Но как выдержать поношения, унижения, оскорбления. Мать так и металась между тем, как накормить нас, и тем, как отдать долги, сердце ее так и разрывалось.

Сестра, оставив детей маме, стала работать медсестрой. Но зарплаты ее хватало лишь на ее проезды, даже на ее обеды не хватало. К тому же дети часто болели, простужались, приходилось оставаться. А потом и вовсе пришлось уйти с работы...

Всё что было в доме ценного, было продано, чтобы хоть как-то уплатить долги. А дальше – больше, продали дом. Ушел по дешевке. Но долгов за нами не осталось, на душе от этого было легко. На оставшиеся деньги хотели приобрести хоть какое-то жилище. Да что говорить, на такие-то деньги нормальной какое место и не купишь. Внезапно цены на дома поползли вверх, денег наших теперь не хватило бы и на какую каморку – комнатушку.. стали снимать жилье. Искали что подешевле, поменяли пять-шесть мест. Не заметили, как и эти деньги кончились. Жили на махаллинские детские пособия моим племянникам да алименты от их отца. Сестра стала наниматься убирать чужие дома, да что там заработаешь на эти их чаевые, хватало только на детей...

У кого-то взять опять в долг не было никакой возможности. Кто даст в долг бездомному! Уже и перестали что-нибудь готовить, казан наш теперь не кипел совсем... Мать стала совсем плохой, болела часто, стала совсем таять. Часто стали звать скорую. А рецепты врачебные так и оставались у нас неотоваренные... Чтобы охранить нас от угрызений мама придумала тоже: «не покупайте никаких лекарств, внутри всё полно от этого яда. Никакой помощи от них так и не почувствовала. Всё равно не буду пить, даже и не старайтесь. Аллах, как боль принес, так и поможет ее устранить». А мы не знали куда себя деть. На глазах твоих умирает родной человек, а ты помочь не можешь, наблюдаешь только, как он угасает – что может быть тяжелее этой грусти, таких страданий! В это время и птичкам там, лягушкам, бабочкам и жабам позавидуешь, что ими не родился. От жизни такой, от такого существования уж пресыщаешься совсем.

По всем этим причинам и учеба моя стала так себе. Девичьи мечты и планы стали миражами, бедность, нищета тянули меня в свою западню...

В тот день как обычно бросили на наш обед для супа немного масла в кипящую воду. Племянники опять стали капризничать: «опять то самое? Не будем есть, дайте мяса, хотим мяса! Мяса, мяса!». И что тут скажешь: всем нам уже давно надоела эта еда, не проходила совсем в горло. Пришло к нам полное наше унижение... Сестра, заплакав, вышла из дому.. Мама как сидела в уголке, так словно превратилась в камень. Чтобы согреть, обласкать ее, подошла и крепко обняла ее. Почувствовала, что плачет она да беззвучными слезами... Я тоже не стала себя сдерживать...

– Как нам отца не хватает, жизнь моя, отца – горько высказалась она, еле сдерживаясь от рыданий. – Он ведь был наше богатство, с ним только мы были счастливы и изобильны. Когда

он был с нами, всё у нас было! Ушел и унес с собой наше счастье. Исчезли все прелести той жизни! В таком вот положении живем! Не сохранила я твоего отца, не уберегла! Пусть будут прокляты те дни, когда я зная и не зная обижала его!

– Да, при отце мы и на самом деле не знали нужды! – прошептала я.

– Сам всех вас без проблем поднял. Я то думала, что так будет всегда. Если бы жив был сейчас, разве досталась бы нам такая доля?!

– Завидую я своим подружкам. Учиться приезжают на машинах. А как одеваются! – сказала я, чтобы увести маму в другую сторону.

– Да, дитя мое. Богатство – грязь. Придет – уйдет. Не жалею. Даст бог, будете и вы жить в богатстве и изобилии. Ведь и мой отец, и отцы – деды твоего отца были в свое время богатыми людьми и с властью! – и чтобы не подумал кто, что она хвастается, она продолжила. – Мой дедушка был крупный торговец. Наш дом в те времена был полная чаша. Всего было вдоволь.

– И что, от дедушек не осталось никакого наследства? – спросила я лукаво.

– Что тут скажешь! В советское время богатых объявили кулаками, всё, что было отобрали. Дедушка сам добровольно всё сдал государству. По словам моего отца, оставил только несколько золотых вещей. Потом боясь новых властей, где-то их зарыл.

– Да-а, об этом вы мне никогда не говорили! А где зарыты сокровища? Найти бы их было бы неплохо! – сказала я, зарыв маму в своих объятиях.

– Да уж, было бы неплохо найти их. Но не знаю, правду отец мне сказал или так себе – неизвестно. Отец почему-то об этом не очень и распространялся. «Золото кроме несчастий ничего человеку не приносит» – говорил всегда покойный.

– Ну хоть приблизительно, где это место, говорил? – суется, спросила я.

– Нет, об этом не сказал. Но...

– Ну, ну!

– Покойный мой отец до своей смерти показал у нас дома на вершину в сторону восхода солнца, и что-то хотел сказать. Но говорить у него не было сил. Я тогда и подумала: «Наверное, он хочет сказать, что там и зарыты сокровища». А может он хотел сказать другое. К вечеру отец отдал богу душу. Так и осталась тайна тайной.

– И вы ничего не сделали для поисков золота?

– Куда там! Так, когда было очень тяжело, раз или два подумала об этом. Но... не особенно – то и верила в это золото. А потом вершина та застроилась домами. Ах, если бы нашли его, не оказались бы в нашем положении, небось...

Мама глубоко вздохнула и еще крепче обняла меня. Начала гладить мои волосы, поцеловала в губы. Ее обильные слезы омыли мое лицо. Она, по-моему, сейчас не о своей болезни жалела, а раскаивалась в том, что нам, своим детям, будучи матерью, недодала, не уберегла от невзгод. Ведь разве может быть для матери сильнее боли оставить без ответа требования плачущего ребенка. Нет, нет, не может быть!

А я, а я, здоровая девушка, что я сделала, что я сделала больной своей матери? – меня этот вопрос жестоко мучал. Эх, почему я не родилась парнем? Может быть, тогда всё было бы по-другому? Может быть тогда мама, сестра и мои племянники ни в чем бы не нуждались? А с другой стороны, что с того, что я девчонка. Чем я меньше мальчика! То, что они делают, и я смогу! Какнибудь потом с учебой своей разберусь, а пока надо идти работать. Честная работа никогда не была зазорной! А когда мамочка выздоровеет, будет возможность и продолжить учебу....

Я так обрадовалась этим своим мыслям, так обрадовалась. Всё мое существо как будто наполнилось твердостью и силой. Короче, несмотря на несогласие мамы и возражения сестры устроилась я на работу в одну столовую.. проблемы вроде как-то стали решаться. И в это время я познакомилась с Норбута-ака. Вначале он заходил к нам в столовую поесть. А потом стал частым гостем. Ждал меня, шел следом, под всякими причинами стал делать мне подарки.

Вначале в наших отношениях я не придавала значения, что он женат, имеет детей. А потом, как ни хотела я уйти от этих связей, от подарков не смогла уйти....

Как ни болела моя совесть, успокаивала себя, что вот ведь помогаю маме, племянникам приношу радость, еще молода, а уже стала кормилицей большой семьи. Вначале ни мама, ни сестра не знали, даже не догадывались о моих отношениях с моим будущим мужем. А затем, когда всё раскрылось, было уже поздно... Я, восемнадцатилетняя девушка, стала второй женой мужчины на 20 лет старше...

Норбута-ака при двух – трех свидетелях произвел никох, устроил небольшую свадьбку, тем самым устранив у мамы всякие – разные плохие подозрения. Муж приходил к нам один-два раза в неделю, создал все условия для беззаботной нашей жизни.

В один из дней слово за слово я и рассказала своему мужу о золоте своего деда. С тех пор спокойствия у Норбуты как не бывало. Разговорив маму, с шутками да прибаутками внес некоторую ясность в это дело. А затем, уговорив хозяина того самого дома, что был на вершине и на который указала мама, купил этот дом. Даже я, до последнего сомневающаяся в успехе, очень даже заинтересовалась, на сердце моем появились лучики надежды.

Муж из города привез разные инструменты и начал поиски сокровищ. Это оказалось нелегким делом. Весь двор был основательно прорыт, но золота не было. Но и муж был не простачок. Не пал духом и продолжал искать. Привел двух парней в военной форме и с помощью какого-то инструмента теперь уже они проверили весь двор. С их уходом работа по рытью ускорилась... В одном месте земля размером с отверстие тандыра оказалась мягкой, чем и выделялась от других точек. Было ясно, что раньше здесь был колодец либо место, где что-то хранилось. Несмотря на то, что день уже заканчивался, мы, муж и жена, поднатужились и продолжили работу. Муж при свете фонаря мял каждый кусочек земли и бросал в ведро, а я арканом вытягивала ведро наверх. На расстоянии четырех – пяти саженей вниз лопата ударилась о твердый предмет... Вышел сундук, хорошо уложенный в не пропускающий воздух футляр. Норбута-ака осторожно открыл его. Теперь уж мы уверились, что сокровища деда мы нашли. И немалые. В двух футлярах были сабля из золота, два кувшина с золотыми монетами, разные украшения, с десятков старинных книг...

Я испугалась. От мамы я слышала, что это золото принесет любому человеку несчастье. Попыталась уговорить мужа сдать все эти сокровища государству. Но он только отмахнулся. Сказал лишь твердо, что не для этого он затратил столько труда и средств. Но уверил меня, что использует всё это богатство на благие дела, что теперь уж мы богато заживем...

Норбута-ака исполнил данное мне слово и вернул нам отцовский дом. Обеспечил нам безбедную жизнь. А мне подарил вот этот дом. Изрядно потратился, чтобы его отремонтировать, богато обставить. Исполнял все мои желания без всякого обмана.... Жизнь наша стала совсем другой, полной – преполной, но на сердце было тревожно....

В тот день к вечеру к нам в дверь позвонила какая-то незнакомая женщина, «ты тут сидишь дома, раскрыв рот, а муж твой по ресторанам шастает, пирует вовсю» – сказала. И хотя я готова была сквозь землю провалиться, но держала себя спокойно и сказала равнодушно: «да ради бога, мужик и есть мужик, погуляет и вернется!». Женщина, кажется, ждала от меня другого, «ну что ж, пусть тебе хуже будет» – сказала и ушла. А меня как будто облили всю холодной водой. Потом, как я и не уверяла себя, что всё это глупые сплетни, тревожность в душе не уходила, а только повышалась: «Неужели и двух жен ему не довольно, третью решил найти, неблагодарный! Золото дедово не впрок пошло, с жиру бесится! Закрыв мне рот нестоящими вещами, а сам, думаю, решил пожить в свое удовольствие, гореть тебе в аду!»...

Собралась быстро, отправилась в путь. Не знала, куда идти, пожалела, что не спросила у той женщины адрес ресторана. Наугад зашла в несколько знакомых кафе, ресторанов. Без пользы. Но решила, пока не вечер, искать. Расспросила и зашла в несколько крупных заведений. Не нашла. Подумала, что, может быть, меня пытались обмануть, сердце немного успоко-

илось. Но тревога не уходила из груди: «Нет дыма без огня. Женщина та говорила уж очень уверенно. Если бы не оборвала ее, может быть спокойно и поговорили бы, узнала бы адрес. Может в другом городе. Может давно уже вышел из ресторана и теперь в безлюдном месте продолжает веселиться... Где же его теперь искать... А если женщина обманула? Кто эта «благодетельница»? Что она хочет? Может, пожалела меня? Или что-то имеет против той шалавы? Ну что же я так, хоть бы номер телефона спросила! А может, ее кто-то из моих или мужа врагов направил. Таких ведь немало! Радующихся чужой беде, счастливых от чужого несчастья! Что бы ни было, нельзя оставлять это дело. Пока не доберусь до истины, сердце не успокоится! Говорят же, сомнение разрушает веру...».

Несмотря на опустившуюся ночь, я оставила сыночка у сестры и направилась на такси в загон к мужу. Слава богу, он был у очага. Увидев меня в поздний час да еще с незнакомым мужчиной, муж был буквально поражен, и с мыслью что «что-то случилось» стал даже заикаться:

– Садокат, в чем дело? Говори, что ты тут делаешь, ходишь – бродишь тут?

Я пыталась быть спокойной и сказала:

– Всё хорошо, хорошо, тревожилась вот о вас...

– С чего это ты тревожишься, это кто?

– Наняла такси. Таксист, оказывается, хорошо знает эти места. Хоть и русский, по-узбекски чисто говорит, – сказала я, чтобы как-то сгладить мою неловкость.

– В ночное время, на чужой машине, ты что, ополумела? Говори, чего молчишь?!

Я знала, что когда муж волнуется, он имеет привычку заикаться, поэтому постаралась смягчить ситуацию:

– Да плохой сон видела, ну и не усидела дома, тревожилась о вас...

– Ох, наконец – то, слава тебе, господи, сон оказывается, а то перепугался я! Поспешила ты, а я уже завтра к тебе идти хотел.

– Почему-то сердце трепетало по вам, – я поняла, что муж немного успокоился, и прильнула к нему. «Запах водки нет, вроде бы. Значит, в городе не был сегодня» пришла в голову мысль и настроение сразу улучшилось.

Зашли в комнату, сели, поговорили немного. Муж угостил косой катыка. Между его слов я узнала, что сегодня он отсюда ни шагу не ступал, потому что помощники все отпросились по домам, ему самому пришлось ухаживать за скотом, и уже совсем успокоилась. Ничего не сказала о той самой женщине, опозорилась бы, промолчала.

Норбута ака, ссылаясь на позднее время, постарался побыстрее проводить меня. Я вернулась обратно. Но заметила в его глазах какую-то тревогу. «Может это из-за моего неожиданного появления», успокоила я себя, а теперь вот упрекаю себя, что не придавала этому значение, не осталась у него на ночь...

Следственной группе не составило труда найти таксиста. Михаил Иванович полностью подтвердил слова Садокат. Эксперты определили, что найденные на территории загона следы от шин принадлежат его машине.

То, что основная версия не подтвердилась, работа по другим не дала результатов, а других правдоподобных версий и нет, усилили тревогу Фахриддина Каримовича. Теперь он понимал, что раскрытие этого убийства будет гораздо сложнее, чем он думал.

Дело следователя сродни рывью колодца иглой. Нельзя спешить. Работа эта требует большого труда, твердости и упорства, немыслимого терпения, беспримерного интеллекта. Только в этом случае можно добиться результата, раскрыть любое тайное преступление. Но главное – не ошибиться. Идти по неверному пути ведет не только к потере времени, безрезультатным потугам, но и способствуют увеличению расстояния между преступником и следователем, уничтожению преступных следов, сокрытию преступных действий. С течением времени у преступника возрастает возможность избежать наказания, а у следователя возможность раскрыть

преступление сокращается... Значит, каждая ушедшая минута работает на пользу убийц. Надо спешить! Проверка подробностей и деталей убийства, даже самых вроде бы незначительных, проверка каждого события, каждой ситуации от нитки до иголки конечно желательны... Кстати, не построены ли их версии только на главных деталях и особенностях? Не остались ли в стороне от внимания неприметные факты. Были ведь в его практике случаи, когда из малюсеньких событий выстраивалась серьезная цепь раскрытия преступлений. Где же она, незначительная эта ситуация? Чему мы придали недостаточное внимание?..

Стук в дверь нарушил мысли Фахриддина.

– Можно к вам, вы еще не спите? – в дверях появился Санжарбек.

– Заходи, заходи. Не до сна теперь! Пока дело не раскрыто и идет следствие, нечего и думать о спокойном сне.

– У меня то же самое...

Фахриддин поднялся с места, показал куда сесть, подумал «может у него какие интересные мысли появились».

– Говори, слушаю тебя!

– Устоз, вот что мне в голову пришло, – Санжарбек сразу перешел к делу. – Звонок в дверь Садокат, ее пуговица у очага... Может быть кто-то хочет повесить это убийство на шею этой несчастной, как вы думаете! По-моему, здесь есть, о чем можно говорить.

– Хорошо, хорошо, продолжай! – пультом в руках он понизил звук телевизора и стал весь внимание.

– Все те события в тот злополучный день не кажутся мне случайными. Ревность женщины страшна. Ни одна не усидит на месте, узнав, что ее родненький с другой развлекается. «Дал бог мужа – дал жизнь!» – говорили мудрые предки. Зная это та, неизвестная женщина или ее товарки позвонили Садокат. Зажгли в ее сердце ревнивое пламя, и та полетела мужа искать, решила ехать к тому аж в загон. Так и получилось, как они думали. Да и потом пуговица... И ведь сразу после того, что произошло, при осмотре места пуговицу не нашли. Мы нашли...

– Ты хочешь сказать, с чего это кто-то ее специально подбросил? – сказал Фахриддин, показав, что эта мысль его тоже уже несколько дней заботит.

То, как его слушал устоз, подбодрило Санжарбека:

– Значит, кто-то подбросил пуговицу уже после убийства. Цель-то ясна. Чтобы запутать следствие, направить по ложному следу, свалить преступление на непричастную к нему женщину и тем самым выиграть время и выйти сухим из воды... К сожалению, в каком-то смысле они добились своих планов. Мы ведь задержались, всю крутясь вокруг Садокат...

– Если логически рассуждать, убийца близок к семье убитого, – устоз хотел призвать шогирда к обсуждению.

– Так и есть, в противном случае никто после убийства не смог бы так спокойно прийти и легко подбросить пуговицу.

– Неплохо мыслишь, но кто этот «герой»? Кого –нибудь подозреваешь?

– Конечно, первую жену пастуха – Мاستуру, и еще пастуха Яхшилика... еще...

– Мастура – это понятно, возможно, прознав об изменах мужа, решила одним ударом устранить обоих. Однако, с чего бы это ты думаешь, что к такому жуткому преступлению может быть причастен Яхшилик – пастух?

– Ну мотив – то есть – обогатиться! Узнав о сокровищах пастуха, Яхшилик и решил присвоить золото. Ведь...

– Ну формально ты прав! Однако не верю я, чтобы и Мастура, и Яхшилик смогли бы проверить это дело, сказал Фахриддин, не отрывая глаз от телевизора.

– свою злобу человек внутри держит. Этот пастух мягонький с виду, что твоя каша, о изнутри – волчара. Такие знают, как где себя вести. Со стороны такой неприкаянные, жалкие,

а на самом деле ни перед чем не остановятся, плуты, мошенники – равных нет. Смирение и скромность для них – пустые слова...

– Что привело тебя к этой мысли? Или больше других версий нет, вот и всякие предположения?...

– Оснований достаточно. В отношении Мастуры: по-моему, не очень-то горюет по умершему мужу, как будто знала о таком исходе, во-вторых, узнав о второй жене мужа, о ребенке от него, о том, что он им дом купил, не стерпела такой измены. Глаза кровью наполнились от ревности. Между любовью и ненавистью – один шаг... – Санжарбек подумал, «не перегнул ли я палку?» и посмотрел с тревогой на собеседника. Но нет, тот слушал его с вниманием, это еще больше подбодрило его. – Мастура знала, где он прячет свое золото. То, что он тратил свои сокровища только для второй жены, возмущало ее существо. Боялась, что и от мужа, и от сокровищ будет отделена. «Коварство женщины тяжелее верблюжьей ноши». Понявшая, что теперь-то уж от мужа ничего хорошего не стоит ожидать, она решила избавиться от него, стала искать пути. Пришла к мысли, что «только этим путем можно сохранить для себя оставшиеся сокровища». Наняла убийцу...

– Убийца, это интересно, это правдоподобно! – Фахриддин усмехнулся и посмотрел на шогирда.

Санжарбек не понял, это искренние слова или ирония.

– Работать с этой версией можно при двух условиях, – продолжил Фахриддин. – Во-первых, знала ли Мастура о другой жене? Если знала, подняла бы скандал, поругалась бы с мужем. Это естественно. Не может быть, чтобы другие не знали об этом. А вот по словам пастуха Яхшилика наша «подозреваемая» не знала об изменах мужа. Да и по его утверждениям, Садокат никогда не сталкивалась с соперницей. А во-вторых, неизвестно, знала ли она о найденных мужем сокровищах. Логично, что если мы не установим истину в этих двух вопросах, с этой версией нечего и работать.

– Разрешите, я завтра по этим направлениям начну работать!

– Да, конечно! – сказал Фахриддин Каримович, качая головой. – Обычно, к такого рода преступлениям приводят ревность или богатства, сокровища. Велика вероятность, что схватка двух жен за мужа либо найденные пастухом Норбутой сокровища привели к убийству. Но что бы ни было, мы и золото должны найти! Но и по другим версиям следует поработать.

Санжарбек понял, что беседа на этом закончилась, пожелал спокойной ночи и вышел к себе...

Несмотря на то, что так и не уснул, всё вертелся с бока на бок в постели из-за разных мыслей, Санжарбек встал рано. Сегодняшний день должен принести какие-то подвижки, оживить наконец замерший на одном месте следственный процесс, осветить правильность созданных гипотез и многих обсуждений, думал он и эти желания – надежды согревали ему душу и вдохновляли его.

Думая, что устоз еще не проснулся, он не стал дожидаться, а сразу пошел в столовую гостиницы, легко позавтракал и поспешил на работу. Он зашел в отведенную для них комнату, стал записывать, что должен сделать сегодня, потом поднял трубку, стал давать задания членам опергруппы...

Когда в комнату вошел так и не выспавшийся Фахриддин Каримович, Санжарбек кое-какие дела уже успел сделать.

– Устоз, не решился вас будить так рано, как отдохнули?

– Так себе! Сон пропал, только к утру и уснул. – Фахриддин устроившись в свое кресло, посмотрел на шогирда с вопросом на лице «ну что там, говори, не томи?».

По обоим направлениям начали работать. Отправил парней, чтобы побеседовали с соседями, близкими Мастуры и Садокат, надо внести ясность в проблему. Отправил запрос в теле-

фонную станцию, чтобы дали список разговоров, что были у них по их телефонам. По трем адресам готовы санкции на обыск.

– Очень хорошо! Кого отправим на обыск?

– Разрешите, к Садокат поеду сам! А к Мастуре – Махкам Хакимович...

– К Мастуре я сам поеду. А Махкам пусть с тобой. Но с пастухом Яхшиликом не будем спешить! – Фахриддин резко встал со стула. – Да, спецы с металлоискателями приглашены?

– Конечно! Можно ли об этом забыть? – Санжарбек с иронией посмотрел на командира, как бы говоря «обижаете!».

– Тогда по коням! – По лицу Фахридина было видно, что устоз доволен учеником...

В доме пастуха Норбуты – у Мастуры при обыске ничего существенного для следствия не нашли. Комнаты, подсобные помещения, коровник, кухня, все потолки, крыши, стены, двор были тщательно обследованы специальными инструментами, но никакогоклада не нашли. Из найденных вещей обратила внимание Фахридина на себя только пачка бумаг из карманов пальто Норбуты и на обратной стороне одной записанный номер какого-то телефона. Листики бумаги уже пожелтели и готовы были уже вот – вот порваться, а на их лицевой стороне виднелись надписи «Квитанция», «ООО Биллур», «г. Самарканд». Места «от кого», «наименование», «масса», «подпись», «число» чисты, не заполнены. Нетрудно было понять, что бланк одной из квитанций был использован лишь для записи того самого номера телефона.

Фахриддин, не отрывая глаз от бумаги, думал, логически выводил: «Значит, Норбута поехал в Самарканд, чтобы сдать там золотые изделия. По названию «Биллур – Кристалл» можно понять, что это или ювелирный магазин, или ломбард». Там и записали ему чей-то номер телефона. По записи можно предположить, что это женская рука, а записана на бланке квитанции, потому что не нашли другой бумаги. Чей это может быть телефон? Может быть человека, который может купить эти его золотые монеты. А может книги...

– Поехали? – громкий голос Махкама, что уже завел машину и ходил тут из стороны в сторону, нарушили мысли командира.

– Да – да, поехали! Все вышли? – Фахриддин посмотрел по сторонам, а потом уселся на переднее сидение машины. Всю дорогу он посматривал «набравшего воды в рот» хмурое лицо Махкама и подумал «волнуется, небось, подавлен, что никаких результатов обыск не дал, старания наши были напрасны, да, удивительный характер у парня». И хоть смотрел на окрестности сквозь окно летящей как ветер машины, мысли несли его сейчас в сторону Самарканда: «Неужели мы нашли начало важной ниточки! Но будет ли польза от этого? Ну хорошо, допустим, мы нашли ювелира. А если тот: «Да, верно, пастух мне сдал золотые украшения и некоторые изделия, он за них деньги взял, и по его просьбе я дал номер телефона знакомого мне еще одного ювелира» скажет, а второй, как найдем тоже: «Конечно, пастух предложил мне золотые монеты, но я отказался их брать» или «часть монет я купил, а потом я того не видел» скажет, тогда что? Опять следствие в тупике, что ли? Может быть они не причастны к убийству... В любом случае в этом кусочке бумаги есть, мне кажется, скрытая тайна. Вполне возможно, что проблема одним концом упрется в Самарканд!..».

Группа Санжарбека вернулась раньше, все сидели на рабочем месте. Выйдя из машины и с мыслями: «может они что-то накопили» поспешил к ним.

– Волк или лиса? – Санжарбек, как обычно, опередил командира.

– Да ничего существенного! А у вас?

– Посмотрите вот на это, – сказал Санжарбек, передав ему лежащую на столе толстую тетрадь. – Дневник Садокат.

– Ах, значит она ведет дневник? – Взяв в руки тетрадь, Фахриддин начал ее листать.

– Дневник, думаю, поможет что-то нам открыть. Если доверять всему, что там написано, то в показаниях Садокат в основном ложь отсутствует.

– Почему «в основном»? – спросил Фахриддин, не отрывая глаз от тетради.

- Она скрыла от нас о столкновениях с Мастурой, только вот это.
- Значит между соперницами...

Обратите внимание на вот эти записи! – Санжарбек взял у устоза в свои руки тетрадь, открыл отогнутое место и стал читать: «Сегодня домой опять пришла Мастура. Ругала меня, сыночка на чем свет стоит, оскорбляла плохими словами. Чтобы соседи не услышали, стала успокаивать ее. «Не оставишь в покое мужа, убью и тебя, и грязного твоего сына. Весь дом твой и домашние вещи подожгу» угрожала. Я ей «твой муж мне не нужен, заberi совсем, если тебе он нужен». А она «Если муж не откажется от тебя, шалавы, его тоже в землю закопаю, будете вместе в могиле!». Довольно, хватит, как мне эти скандалы надоели... наелась...».

– А почему Садокат скрывала их распри? – опять спросил Фахриддин, снова взяв в руки тетрадь.

- «Умерший ушел навеки, к чему теперь эти все слова» – только и сказала.

– Ладно, ты внимательно прочитай весь дневник! – Командир закрыл тетрадь и сел в глубокое кресло. – Может все эти переживания Садокат что-то нам дадут!

- А у вас как, устоз? – не утерпел Санжарбек.

Фахриддин коротко рассказал о произведенном обыске в доме Норбуты – пастуха, высказался о найденном в его кармане телефонном номере.

– Тут что-то есть! Я думаю, следы нас приведут в Самарканд! – Санжарбек с вопросом на лице «что же будем делать?» повернулся к командиру.

– Я возьму из опергруппы кого-нибудь и поеду в Самарканд. Ты тут продолжай по намеренному! – Фахриддин поднял трубку внутреннего телефона. – Через полчаса соберите мне всех членов опергруппы!

Распределив задания членам оперативно – следственной группы, Фахриддин Каримович, несмотря на уже поздний час, выехал в путь вместе с сотрудником уголовного розыска Авазжоном...

Найти ювелирный магазин, относящийся к обществу с ограниченной ответственностью, было не трудно. Завмаг Раиса Халиловна, хотя ей было больше шестидесяти, была накрашена как невестушка, и несмотря на свою, впрочем, приятную полноту, была довольно деятельна, а гостей из прокуратуры встретила тепло.. Фахриддин Каримович показал ей свое служебное удостоверение, представил себя и своего напарника.

Услышав, что они из республиканской прокуратуры, хозяйка напряглась, цвет ее лица несколько изменился. Что в этот момент происходило в ее душе, нетрудно было представить. Несмотря на это, много видевшая на своем веку женщина постаралась вести себя спокойно и беспристрастно:

– Добро пожаловать, дорогие гости! Как съездили? Не устали от дороги? Понравился вам наш город?

Фахриддин постарался коротко ответить, и, чтобы быстро устранить волнение женщины, перешел к цели:

- Дорогая сестра, скажите, с какого времени вы работаете в этом магазине?

– Да уж много лет, со дня открытия, лет пятнадцать.

– Вы знакомы с кашкадарынцем, пастухом Норбутой? – Фахриддин достал из сумки фотографию пастуха и протянул женщине.

Раиса осторожно посмотрела на снимок и произнесла:

– Нет, нет, я этого человека не знаю.

– Может быть он вам что-то сдавал?

– Может быть! Конечно, всех не вспомнишь! Когда он сдал – то?

– Да уж год прошел.

– Тогда мы можем поднять документы и выяснить! – Раиса встретила вошедшую к ним с кофе красивую, высокую, обращающую на себя внимание любого парня девушку в коротенькой одежде, и приказала:

– Милая, подними и принеси, пожалуйста, архив за прошлый год!

Девушка тепло улыбнулась сидящим, подтянула вниз юбку, пытающуюся ползти наверх при каждом ее шаге, вышла и сразу же вернулась с двумя толстыми книгами.

– Как звали пастуха? – спросила заведующая, перелистывая книги.

– Нормуминов Норбута!

– «И», «Й», «К» вот – вот, значит, «М», а вот «Н» – Раиса развернула книгу на середине тома. – Нор... нор... Нормумин, вот он... Ювелирные изделия двадцати видов сдал! Вот, сами взгляните! Кстати, я этого человека вспомнила.

Фахриддин нагнулся рассмотреть бумагу. На самом деле, в них была дана характеристика и вес сданных пастухом золотых изделий двадцати наименований. Он обратился к заведующей:

– Раиса Халиловна, скажите, сданные Нормуминовым золотые изделия были старинными! Где мог их взять пастух? Я хочу сказать, можно такие сейчас создавать?

– Если мне память не изменяет, украшения были на самом деле старинные. Сейчас такие не выходят. Но при приеме мы не интересуемся у клиентов, где они были ими приобретены. Это не в нашей компетенции.

– Из тех самых изделий что-нибудь осталось на продаже?

– Да нет, не осталось, давно продали!

– Можно узнать, кто их купил?

– Нет, нет! Нет никакой возможности! Мы посредники, берем у клиентов, другим продаем! Не фиксируем, кто там купил. Как вещь продана, деньги возвращаем хозяину, а себе оставляем свои проценты.

– Пастух Норбута когда забрал деньги за сданные изделия?

Заведующая опустила бывшие на голове очки и уставилась в книгу:

– Вот его роспись, последние деньги он забрал 21 ноября прошлого года.

– Только вот эти, 21 штука, что указаны, им сданы?

Заведующая на секунду сконфузилась, подумала, а потом прошептала:

– Только вот эти вещи! Больше ничего!

Фахриддин отделил из документов на своей руке пачку бумаг и передал заведующей:

– Вот эти записи сделаны вашей рукой?

Раиса посмотрела на написанное на бумаге и пробормотала:

– Действительно, мой почерк.

Посмотрела на обратную сторону, сказала:

– Наш бланк! – теперь она изумленно посмотрела на не сводящего с нее глаз следователя:

– Что это? Откуда это у вас?! – взорвалась она.

Она как будто что-то поняла, разволновалась и теперь уже от бывшей ее бодрости, безмятежного спокойствия не осталось и следа. В голове ее как будто пронеслась мысль: «Что бы это могло быть, кажется, я вляпалась во что-то».

– Эти бумаги найдены из карманов покойного пастуха Норбуты.

– О боже, пусть земля будет пухом! Когда умер бедняга, как? – Раиса сняла очки и удивленно уставилась на следователя.

– В начале этого месяца, он убит в своем загоне неизвестными лицами. Мы и ведем расследование по этому убийству.

О Аллах, О Аллах! Покойный был хороший человек, простой... ах, бедняга...

– Раиса Халиловна, чей это может быть номер телефона? – сказал следователь, показав на запись на бумаге.

Заведующая опять взяла бумагу, внимательно посмотрела, начала читать:

– Двести тридцать пять девяносто девяносто! Вот это да, это же телефон моей соседки Адибы!

– Соседки... Адибы... что...

– Стоп, стоп! Вспомнила. Нор... Нор... как звали-то?

– Норбута! – присоединился к разговору до сих пор молчавший Авазбек.

– Да, спасибо! Когда Норбута приходил в последний раз, он спросил: «У меня есть оставшиеся от деда старинные книги, хотел бы их продать, есть ли у вас знакомые?». Я и дала ему телефон соседки моей Адибы, она работает в историческом музее. Она специалист по арабскому языку. Всегда интересовалась старинными книгами... – Раиса успокоилась, вздохнула облегченно, как будто камень с плеч упал.

– А дальше.. дальше что случилось? Норбута пошел к этой Адибе? – Фахриддин торопился.

– А потом не знаю! Я и не спросила, встречались, нет! – Раиса пожала плечами, словно была виновата. – Ах, да, если я не ошибаюсь, в тот день я позвонила Адибе к ней на работу, сказала, что отправила к ней одного человечка, сказала, что у того есть какие-то книги. Адиба и сказала, услышав про книги: «Пусть сейчас придет, я на работе буду». А дальше на всякий случай я ему ее телефон и записала! – Раиса посмотрела на следователя, как будто говоря: «Вот и всё, что знаю. Всё теперь?».

Норбута показывал вам те книги? – спросил следователь, собирая бумаги.

– Да нет! Никаких книг не показывал.

– Может они были с ним, не усмотрели?

– Может и были! Он всегда ходил с большой сумкой, черт его знает, что в ней было! – ответила теперь совсем уже безмятежная Раиса.

Фахриддин все бывшие сегодня вопросы – ответы записал в протокол допроса, попрощался тут со всеми и направился в музей.

– Ну и как, господин оперативный работник, каково ваше мнение о Раисе? – Фахриддин посмотрел на идущего сзади напарника.

– Щеголиха, одевается с шиком. Но, видимо, сказала правду! – Аваз уже определил свое мнение.

– Мне тоже кажется, что сказала правду! Что ей с того, что будет лгать! Но не постаралась ли скрыть что-нибудь от нас? – следователь посерьезнел. – Что же она могла скрыть?

– У нее нечистых дел много! Бойтся, что делишки ее раскроются! – работник уголовного розыска знал, о чем говорит.

– Да, вы правы! Зарегистрирована только часть сданных Норбутой в магазин золотых вещей. Золотые монеты, а также отдельные изделия не записаны. Поэтому заведующая и в тревоге! Но ничего, пока не будем трогать, будет необходимо, вернемся к проблеме!..

Адиба подтвердила слова Раисы. Призналась, что на самом деле Норбута предложил ей на продажу, кажется, десять или пятнадцать старинных книг, написанных арабской вязью:

Тогда я дочку выдавала замуж. Сами знаете какие расходы. Но лишних денег не было. Однако у него на самом деле были старинные и редкие книги. Норбута не согласился передать их в дар музею. Ему нужны были деньги. Чтобы книги не пропали, показала их замдиректора нашего музея Хикмату Юсуповичу. Что бы ни было, надо найти финансы и купить их для музея, убеждала. Познакомила их...

– Книги сейчас в музее хранятся? – перебил ее Фахриддин.

– Нет, книги не у нас... по словам Хикмат-ака, Норбута за них дорого просил. «Не сошлись в цене» сказал.

– Вы хотите сказать, что Норбута ушел с книгами?

– Я не знаю! Хикмат – ака...

– Сейчас он здесь?

По-моему нет. Кажется, он в служебной командировке...

Фахриддин поручил напарнику собрать все сведения о Хикмате Юнусовиче в отделе кадров и бухгалтерии, а сам пошел к директору.

Его встретил сорокалетний, высокий, симпатичный и приятный с виду Эркин Абдуллаевич.

После традиционных приветствий, следователь, показав свое служебное удостоверение, представился и сразу перешел к цели:

– Эркин Абдуллаевич, какова процедура приема музеем новых экспонатов, памятников старины?

– При приеме от граждан и организаций мы их прежде всего подвергаем экспертизе. Если они на самом деле представляют историческую, культурную ценность, мы их покупаем согласно установленного тарифа. Естественно, по рыночной цене мы не можем их купить... – директор с вопросом «А в чем дело-то?» посмотрел на следователя.

– Ваш заместитель Хикмат Юсупович оказывается в служебной командировке! А куда поехал?

У Эркина в голове мгновенно промелькнули мысли: «То, что из прокуратуры, тем более из республиканской пришли, им интересуются, не зря. Это Хикмат, чтоб тебе..., что-то затеял. Говорил же я, в последнее время тот сам не свой, без настроения, не спокоен... не усидит на одном месте.. на работу стал опаздывать... Два – три дня вообще не пришел... да, этот парень совсем не тих, не спокоен, попался что-ли на каком-то преступном деле».

– Где же он теперь? – повторил свой вопрос следователь. Его надо будет вызвать.

– Да, конечно, в Ташкент он поехал. Если нужно – вызовем.

В дверь осторожно постучали, вошел Аваз с бумагами в руках:

– Здравствуйте! Не помешал?

– Авазжон, член следственной группы, мы тут вместе. А это директор музея Эркин Абдуллаевич! – Фахриддин познакомил людей друг с другом.

– Добро пожаловать, гость, садитесь! – директор поднялся с места и показал куда можно сесть. – Вы посидите, а я вызову Хикмата!

– А этот-то Хикмат шустрый оказался! – Авазжон начал перебирать свои бумаги. – В течение последних шести месяцев на работе он и не был, можно сказать! Был в очередном отпуске, затем трижды брал отпуска за свой счет, потом служебные командировки... Трижды выезжал за границу, был в Турции, России, Франции. Арабский, английский и русский языки знает в совершенстве. Интересуется старинными и редкими книгами, дома у него большая библиотека. Два дня назад уехал в Ташкент по делам в министерство. По словам коллег, в последнее время на работе показывался раз – два в неделю...

– А раньше где работал? Кто родители?

– Три года назад окончил Ташкентский государственный институт востоковедения по специальности арабский язык. – Аваз всмотрелся в «шпаргалку». – Отец Юсуф Джумаев – профессор Самаркандского госуниверситета, доктор философских наук, мать Санобар Джумаева – зав.библиотекой в этом университете. Семья интеллигентов.

– За рубеж выезжал по работе или на отдых? – Фахриддин, не отрываясь от бумаг, продолжал «допрашивать».

– Во все три страны не по службе, как я сказал раньше, брал отпуска за свой счет.

– Где еще в основном мог быть, вы сказали?

– Служебные командировки в о-с-н-о-в-н-о-м б-ы-л-и по нашей стране... – стал заикаться Аваз, словно сдавал экзамен преподавателю. Да, вот, в Ташкенте был 4 раза, в Бухаре 3... еще... в Карши...

– И в Карши ездил?

– 4 раза!

– С какими целями?

– Не з-н-а-ю!

– Почему! Почему не выяснили цель поездки?

– Не дошел еще! – Аваз начал усиленно тереть лоб. Но, чтобы не вызвать недовольство, добавил: – Дал задание работникам отдела кадров, они сейчас готовят информацию.

– Хорошо! Спасибо вам! Молодец! – Фахриддин, поняв, что, кажется незаслуженно мог обидеть коллегу, решил поддержать его. – А на сегодня довольно! Завтра продолжим...

Не спалось. В гостинице прилег, попытался заснуть, забыться, но куда там, погрузился в объятия мыслей: «Неужели и это предположение неверно! Как бы не пойти по неверному пути! А, с другой стороны, еще какой-либо достоверной гипотезы и нет! Нежданный черт. Но может начало нити именно здесь. Если же анализировать, то Норбуте, конечно, было удобнее сдать и золото и редкие книги в Самарканде. В Шахрисабзе, Китабе или Карши вряд ли найдешь достойного покупателя. Пастух не зря выбрал Самарканд. Сданных Раисе золотых вещей немного. Значит, основная их часть продана другим. Или Раиса не зарегистрировала их... Ювелиры за принятый материал сразу не заплатят. Сначала продадут, а потом только выдадут деньги, это понятно. Раиса же, не отдавая деньги, замучила пастуха. Вышел конфликт, чтобы избавиться от долга, она избрала последний путь... Конечно, не сама. Привлекла к делу наемных убийц. И тут понятно, что на допросе вела себя вот так, странно. А потом, когда я спросил о книгах, немного успокоилась. Проводить ли обыск у нее в доме? Может монеты сохранились? Нет, нет! Не хватает оснований. Да и можно ли верить, что предполагая всё это, она держит улики у себя дома. А с другой стороны, может ли женщина в жажде наживы пойти на это... Хотя всё в жизни бывает. Богатство застилает глаза... Однако может зря я подозреваю Раису. Ведь Норбута мог спрятать остальную часть сокровищ в верном месте! По словам Садокат, масса сокровищ – то значительна. Какую часть использовал, потратил пастух? Что приобрел? Для второй жены купил дом, обстановку, создал условия, себе купил машину, вот и всё, а что еще купил, построил не видно. И в банк деньги не клал... Значит, большая часть сокровищ не использована. Тогда где она? В обоих домах ее нет. Мастура об этом, наверное, и не слышала. А Садокат? Ведь, на самом деле, сокровища ей принадлежат.! Не хранятся ли они у нее? Скажем, в дое у матери... Нет, этому трудно поверить. Столько золота хранить нелегко. Недаром с ума сошел нормальный дед Мумин из «Золотой стены» Эркина Вахидова, не сумевший спрятать найденное золото. А друг его старик Абдусалом, наоборот, никому не дав понять, почувствовать, скрытно совершает свои делишки, не торопясь расходует золото. Но им обоим это золото не принесет счастья. С кем из этих стариков можно сравнить Норбуту? Он обыкновенный пастух, но вряд ли из-за золота он мог сойти с ума... Из этого выходит, что клад у пастуха и этот клад надежно укрыт... В загоне... нет, нет, там много глаз, где-то в горах, в пещере, в ущелье спрятал. Не стало ли это причиной убийства пастуха? Может кто-то услышал что-то о кладе, потребовал найти и выдать ему. А пастух не согласился с этим, не уступил. А в результате всё закончилось убийством. Нет, эта моя гипотеза не совсем. Ведь в тот злосчастный вечер пастух ждал своих убийц! Отправил помощников своих. Но этих бандитов не звал. Впрочем, бог его знает! Может клад уже перекочевал в Самарканд. Раиса одна видела Норбуту, возможно она единственный человек, кто видел его золото... Да, как ни крути, с какой стороны ни посмотри, наталкиваешься на Раису... Или причиной убийства стали книги? Можно ли приобрести за большие деньги на «черном рынке» эти старинные рукописи? Хикмат – специалист, хорошо знает цену книгам. Он и попытался по дешевке купить эти, принесенные Норбутой, книги. А остальные книги пришлось захватывать у не хотевшего их продавать пастуха, физически устранять его... Кто же этот Хикмат? Может ли пойти на преступление воспитанный в интеллигентной семье, знающий несколько языков человек? А где книги? Хра-

няться у того дома? А если давно уже продал?! Если не определим, кому он их продал, не влезем ли в тупик? Если не найдем рукописи, Хикмат будет настаивать: «Мы с Норбутой не сошлись в цене, он обратно и забрал книги, а больше я его не видел»... если книги у него, он, известное дело, их спрячет. На всякий случай с утра следовало бы отправить Аваза понаблюдать за его домом! Кстати, в последнее время Хикмат много времени проводил в поездках. С какой целью выезжал за границу? Продавать книги? Или с другими заданиями? Турция... Франция... Россия... что для него связывает эти страны, каковы объединяющие их стороны? А может поехал просто попутешествовать, погулять? Нет! Выйдя в отпуск без содержания, вряд ли можно ехать на отдых. Если нет никакого дела, работающий человек не будет шастать из страны в страну по заграницам! С чего это руководитель музея дает разрешения. А может они заодно? Руководитель тут его страхует, а тот за рубежом своими делишками занимается! Да ну, прям до этого... Кстати, Хикмат был несколько раз в служебных командировках в Кашкадарье. С какой целью? Ездил ли встречаться с Норбутой? Здесь вроде вырисовывается какая-то загадка... Желательно всё проверить, внести ясность. Приедет Хикмат, может дело и повернется в одну сторону... А что там делает Санжарбек! Если было бы что-то новое, позвонил бы, уж точно потребовал бы отблагодарить...».

А Санжарбек, не теряя время, еще и солнце не взошло, поехал в кишлак Хазрат Башир, чтобы повторно допросить Мاستуру и ее близких, внести ясность для себя по некоторым вопросам. Машина шла как змея из стороны в сторону, торопясь, поднималась вверх, а следовательно, сидевший сзади, почувствовал усталость и закрыл глаза. Хоть немного бы вздремнуть. Однако бессознательно пришли тысячи мыслей, вопросы без ответов, противоречия не давали покоя: «Может ли женщина совершить такое? Или просто попугать решила, сказала, чтобы припугнуть? Посмотришь вроде, Мастура – обычная кишлачная женщина. Посмотришь, и муху вроде не обидит... Но кто поймет этих женщин! Как взглянешь – голубка кроткая, а в другой раз может превратиться в дракона, вот так. Такое, наверное, возможно в двух случаях: когда их ребенок в опасности или мужа хотят забрать, набросятся хоть на хищного зверя, льва. В нашей, следственной, да и в судебной практике, хоть и встречаются женщины, убившие мужей, но, всё равно, имеются, они есть! Как звали-то ту саму., несчастную женщину? Прошло уже три года. Карима, что ли?... Или Замира? Нет, нет! Сапура... Сапура Киличева! Убила мужа с особой жестокостью... Но, правильнее, была вынуждена убить. Он пьяный постоянно приходил домой, ругал – бил ее и детей, гнал их на ночь из дому, тем и довел женщину до черты, она решилась так вот разрешить ужасную проблему. В тот день Холмурод опять пришел в пьяном состоянии, совсем не стоял на ногах, опять беспричинно придрался ко всем тут, сначала избил жену, затем детей. Сапура как могла защищала детей от жестокого мужа, от такого ужасного положения, увела в другую комнату, хотела спрятать. Холмурод всё больше распался, бесился, выбросил трясущихся от страха детей на улицу. А на улице холодно, зима, плюнешь – плевок до земли не долетает – замерзает... Постеснявшаяся идти к соседям, женщина с детьми устраивается как-то в коровнике. Через некоторое время, поняв, что муж уснул, возвращается в дом, укладывает детей спать... С рассветом проснувшийся муж с криком: «Вы еще здесь! Кормлю – пою вас, неблагодарных, а вы творите тут, отбились совсем? Все с глаз долой!» опять выгоняет жену и детей на улицу. Может женщина, будучи одна, и смирилась бы, так и ночевала бы в коровнике, кляня судьбу, хоть и замерзла бы там, не подняла бы руку на мужа. Но то, что творил муж со своими детьми, родило в ней безграничную ненависть, наполнило ее глаза кровью... Теперь ей было всё равно. Лишь бы дети остались живы-здоровы! Среди ночи, взяв в руки топор, она неслышно войдет в комнату, где спал Холмурод. И опускает топор на голову разлегшегося тут как свинья, храпящего на весь свет, мужа... три-четыре... пять... ударов, пока не обессилела... Тогда суд дал ей 8 лет. Потом на основании протеста прокурора, другой суд отменил решение первой инстанции и справедливо решил присудить ей 3 года лишения свободы... Эх, если это

было в его руках, он освободил бы женщину или присудил ей условный срок. Но закон есть закон! Наказывает не следователь, а суд, это его прерогатива...

– Поесть было бы неплохо, пока не поздно! – нарушил его мысли бас впереди сидящего и не отрывающего глаз от дороги Махкама.

– Давай сначала закончим с делом. Обед не сбежит!

– Да я хотел сказать, по возвращении все места будут закрыты! Ладно, закончить с делом так закончить! Дело может, на самом деле, сбежать, а поесть никуда не денется, – Махкам повернулся назад, расплылся в улыбке.

Но почувствовав, что собеседник совсем не готов шутить, нахмурился. А внутри закипел: «Что от вас ждать-то, что вы можете, молокососы?! Беспокоите только людей, тужитесь без пользы! Столько дней прошло, чего добились?! Мы и сами смогли бы то, что вы сумели. К каждой вещи приставать – что пользы?! «Улики, доказательства» нужны, видите ли! На вашем бы месте, я бы давно обеих жен пастуха, всех его помощников там арестовал бы. С ними немножко «поработать», все улики сами придут».

А Санжарбек был занят своими мыслями, как будто рядом никого и не было. Когда работал в районной прокуратуре, детали расследуемого дела раскрывались и объединялись в одну общую картину, как на сцене в театре: вызывали ли мотивы преступления у него какое-то оправдание? Нет, нет! Отсутствие веры, да-да, скажем, предать любовь, изменить верности, добру отплатить плохим, было бы правильнее сказать! Любовь, превращающаяся в отвращение. Это можно понять, это есть! А если и любовь была и всё хорошее? События-то как начались? Любили ведь, любя, на одну подушку клали головы, радостные от счастья, эти Сунбула и Самандар, довольные друг другом, вели свою чистую и мирную жизнь. Продвижение мужа вверх по служебной лестнице, зажиточная жизнь, уверенная семья пробуждали в душе хозяйки дома мысли, полные признательности богу и мужу. Аллах дал им одного мальчика и одну девочку, сладкую их жизнь превратил в мед. Однако... в тот день из гостей вышли поздно. Раньше они договаривались, если муж выпил, то за руль садилась Сунбула. Муж перед провожающими не захотел посадить жену за руль, не захотел садиться рядом, послушный как маленький мальчик, отнял ключи у жены, сам сел за руль. Не послушался мольб – упрашиваний жениных, совсем пьяный парень... Сколько не умоляла Сунбула: «Прошу вас, езжайте медленнее! Потише!», а он еще больше распаялся, увеличивал скорость «Нексии»... «Да не тревожься так, жена, я водитель – ас! Никогда даже не царапал машину! Смотри, как летит красавица!..». Сильный дождь затруднял видимость. К тому же фары встречных машин слепили глаза, трасса была совсем не видна... Самандару надоели мольбы и плач жены, он нагнулся, чтобы включить магнитофон, оторвал на секунду взгляд от дороги... когда поднял голову, было уже поздно... Визг тормозов... гулкий звук... что-то полетело по верху спотыкающейся машины. «Нексия» потеряла равновесие и врезалась в столб... Со стороны казалось, как будто никого в живых внутри не осталось. Сунбула пришла в сознание и, посмотрев на мужа, лежащего без чувств на руле, закричала... Начала его тормошить руками в надежде разбудить его. Страхнула с себя осколки стекол и постаралась открыть дверь. Но согнувшись, вся перебитая дверь не поддавалась, и она с огромным трудом вышла через окно наружу. Пришедший в себя, ничего не понимающий и мелко-мелко дрожащий Самандар старался уже открыть свою дверь и плакал:

– Сунбула... ч-т-о э-т-о б-ы-л-о?! Ч-т-о?! Т-е-п-е-рь я погиб! Конец всему. Я человека с-б-и-л!!!

Сунбула вытасила мужа и, поддерживая его, прислонила на бетонный бордюр. Какое-то время везде стало совсем тихо. Только звучащая из магнитофона песня нарушала этот покой...

Все события пронеслись в голове Сунбулы как страшный сон, она вдруг вздрогнула и пришла в себя: «Неужели тот погиб?! Удар был сильный... Неужели перелетел через машину?». Она затрепетала и огляделась вокруг.

Поодаль остановились пять-шесть машин, собрались люди... В свете машинных фар было видно, как три-четыре человека с криками и плачем укладывали на заднее сидение «Жигулей» всю в крови и совсем безжизненную женщину. Машина резко рванулась с места, а в десяти – пятнадцати шагах собралась толпа. Женщина почему-то устремилась к ним. И увидела через четыре шага в луже всю в крови и с вырванными внутренностями девочку 12-14 лет. В ее ушах прозвучали слова собравшихся: «Бедняжка уже умерла!», «Ах, бедная девочка, совсем еще юная!», «Двое их было, наверное, мама и дочь!», «Видно, на большой скорости сбили», «Разве можно по такой погоде лихачить? Пьяный, наверное, вусмерть! Кто сам-то этот водитель?!».

Сунбулу прошиб холодный пот: «значит умерших двое! Теперь посадят, надолго посадят! А еще в пьяном состоянии! Ужас... Неужели счастливые дни закончатся вот так?! Может всю вину взять на себя. Я не пила! Да и потом, говорят, женщинам дают наказание помягче!».

С таким вот утешением для себя женщина поспешила к мужу. С рассыпавшимися и белыми как марля волосами Самандар бегал, как помешанный, вокруг машины, и совсем не понимал всего ужаса трагедии. Увидев жену, обратился к ней с мольбой:

– Кто это был, не погиб, не умер?

– Их было двое! Мать и дочь! Мать забрали в больницу! А девочка... умерла!

– Ох! Что я наделал, женушка! Что я на-де-лал, а?!... Самандар закрыл лицо руками и сел на землю.

– Самандар – ака! Выслушайте меня, встаньте! – Сунбула потянула мужа за руку, подняла. – За рулем были не вы, я была! Вы поняли? Машину вела я, вы сидели рядом!

– Что ты говоришь? – Глаза Самандара вышли из орбит, когда он смотрел на жену. – Ч-т-о т-ы г-о-в-о-р-и-шь, Сунбула? Нет, нет! Это совершенно невозможно! Сам заварил кашу, сам и съел!

– Вы пьяны! Человек же погиб! Женщину полегче накажут! Давайте уж быстрее! Пока милиция не приехала. – Сунбула схватила мужа под локоть, перевела его направо сторону машины и там уже прислонила его. Сама же быстро обогнула машину, села на место водителя. Из кармана двери достала тряпку и протерла ею руль, рычаг скорости, торпеду. Затем тронет своими пальцами все средства управления и видеоконтроля, чтобы оставить там свои следы.

– Сунбула, что ты делаешь?! Тебя тоже могут посадить! Ты думаешь о детях? Я же умру, совесть не сдюжит! Не делай этого, жена! Не тронь руку! Я сяду на свое место! – Самандар, открыв дверь, попытался выйти из машины.

– Вас надолго посадят! Останетесь без семьи, без здоровья, без работы! – Сунбула схватила мужа за руку и так вот крепко удерживала его.

Скоро прибыла милиция, по показаниям мужа и жены, других свидетелей работники оформили необходимые документы. Утверждения Сунбулы «Если муж водки выпьет, он не садится за руль, я вожу машину», сказанные ею уверенно и твердо, ни у кого тут не оставили сомнений. Между выводами экспертизы и произошедшей ситуации противоречий тоже не возникло.

Прокурор, учитывая, что в автоаварии погиб один человек (другой пострадавший находился в больнице), что обвиняемой была женщина, что она имеет на иждивении двух несовершеннолетних детей, а также другие облегчающие обстоятельства, оставил Сунбулу на свободе до суда, взяв у нее подписку.

Супруги действовали энергично и возглавили проведение поминок по погибшей девочке. Будут в больнице ухаживать за не знающей о смерти девочки, то приходящей в сознание, то теряющей его матери. Днем и ночью будут умолять Всевышнего помочь встать на ноги несчастной матери, потерявшей свое, как цветок, дитя...

Однако судьба не подчиняется воле человека. Через десять дней умрет мать. Теперь Сунбуле предстояло отвечать за смерть двух человек. Понятно, что в новой ситуации характер преступления изменился, степень его стала само собой тяжелее.

Суд лишит свободы Сунбулу на три года. Как ни тяжел был приговор для нее, она начала ждать освобождения и жить одной надеждой, что вернется к родной семье. Страдающий, не находящий себе места от мук совести, Самандар часто навещал жену. Проходили дни и месяцы... Так и не привыкнув к тюремным условиям, проходящая там свои прискорбные дни, живущая только завтрашним днем, заметила, что мужниных визитов стало меньше, сам он стал себя по-другому вести, изменился и характер его. Это мучило ее: «Неужели он ответит вместо верности изменой, вместо преданности предательством, вместо мужества трусостью! Неужели, боясь потерять мужа, она одним махом потеряет всё – семью, детей, свободу, стыд и достоинство! Нет, нет! Самандар не способен на подлость! Он не сможет. Ведь его проступки после всего, что я для него... Нет, нет! На всё воля Аллаха!».

Сунбула совсем устыдилась пришедших на ум мыслей. Попыталась переключиться на другие мысли, совсем не думать об этом. Однако плохие мысли не останавливались, лезли в голову: «Неужели за один – два месяца можно всё забыть! Любимый друг оказался врагом! Сбереженный в груди, сохраненный в сердце оказался ядовитой змеей! Неужели перед такими мелкими, недостойными жизненными испытаниями человек может спасовать, показать свою немощь, бессилие, трусость, показать себя предателем! Нет!!! Он не способен на это!.. Тогда почему стал редко приходить! Даже на очередные, запланированные встречи отправляет других! Не увеличились ли причины и поводы! Лицо и глаза тоже теперь беспокойны... холодны... Как будто скрывает что-то от меня... Может нашел уже другую? Хитрость женщины – ноша сорока верблюдам, говорят. Она, бессовестная, своротила моего мужа с истинного пути... привлекла к себе! Мужчины этим и слабы, не так ли! Были же богатыри, рушащие начисто большие войска, но пасующие перед разными плутнями какой-то дикой свиньи, теряющие всё добытое ратным трудом и доблестью своей, я много об этом знаю. В истории таких примеров много!...».

Тревоги несчастной женщины имели основания. Пришло время и она узнала, услышала, что Самандар развелся с ней, женился на секретарше своей по имени Хилола, теперь они вместе с той растили детей... Мир стал черен в ее глазах. В одно мгновение она потеряла смысл жизни, все надежды и планы сломались, сгорели свечкой, она почувствовала, что теперь она никому не нужна. Веселая, смешливая, но властная женщина превратилась в растерянного, молчаливого, злобного человека... Хотела даже покончить с собой. Но камерницы спасут... Теперь она стала жить с одним только желанием, с одной надеждой – выйти отсюда, из тюрьмы и вернуться к детям, к детям...

Выйдя на свободу, Сунбула попыталась забрать детей у мужа. Но Самандар не то чтобы вернуть их, показывать их ей не хотел. Пошла к нему, бегущему от нее, а Хилола оскорбит ее: «Самандар-ака – достойный, уважаемый человек, ему нет дела до всяких «зеков». Не найдя выхода, женщина обратится в суд. А суд не поддержит ее иск. Как станет известно, Самандар заранее, будучи в тюрьме, обманет жену, заставит подписать многие бумаги для якобы кассационной жалобы, заверит их в тюремной администрации. По этим подложным документам разрушит их брак и воспитание детей возьмет только на себя.

Сунбула по настоянию близких попытается выйти на работу. Но все как один, услышав о ее судимости, отвернутся и только: «оставьте свои документы, вызовем сами, как будете нужны». И никакого просвета.

Бесправие, несправедливость, предательство и унижение приведут женщину от любви к ненависти и отвращению. И она замыслит отомстить мужу за всё...

С помощью подруги своей, бывшей сокамерницы Жанны добьется, чтобы Самандар пришел на свидание в снятую ею комнату. Жанна нальет жадному до удовольствий, летящему как бабочка, уже пьяному парню снотворного. Как тот крепко уснет, девушка, совсем не подозре-

вающая о намерениях Сунбулы, позовет ее и «сдаст» ей «неверного мужа». Уходя Жанна скажет: «Вот подружка! Лез теперь к нему в объятия. Только умерь свой пыл, не утоми! И мне чтоб осталось!».

Сунбула долго будет смотреть на теперь уже ненавистное лицо Самандара, вспомнит счастливые с ним дни, перед глазами ее пройдут все их радостные мгновения, а потом она заплачет, долго так будет плакать... А дальше с неестественной силой ударит того ножом в левую сторону груди...

То, что Сунбула взяла в руки оружие, объяснимо. Была ли она, такая причина у Мастуры. Что могло заставить ее убить мужа – отца ее детей?

– Приехали! – Махамк остановил машину и повернулся к тихому, ушедшему в свои думы Санжарбеку.

– Ах так? Прошу извинить! – Следователь задвигался, оторвался от места. – Я что-то задумался, куда-то улетел!

Махамк расплылся в улыбке.

Вошли во двор через знакомую дверь. Вышедшая из тандырхоны Мастура, увидев незваных гостей, как будто ждала их, совсем не изменилась в лице. Холодно поздоровалась, словно хотела сказать: «Появились – не запылились», желая – не желая пригласила вовнутрь.

Как обычно, но коротко спросив о житье – бытье, Санжарбек извиняющимся тоном, стараясь не тронуть чувства хозяйки, не рассердить ее, приступил к заготовленным вопросам:

– Тетушка, вы нас еще раз простите! Пока преступника, убийцу не найдем, придется вас беспокоить иногда. Мы сами от этого в некотором стеснении!

Женщина промолчала. «Раз пришел – спрашивай!» говорили ее покачивания головой.

– Каковы ваши связи с Садокат? Вы на самом деле угрожали ей: «убью, оба ляжете в общую могилу!»? – Санжарбек начал разговор с главного.

Мастуру как будто молния ударила. Лицо сразу стало сумрачным. В смятении оглядела все тут стороны. Поняв, что кроме двух следователей тут никого нет, медленно стала говорить:

– Нужно же было на голову милого встретиться с шалавой!.. Пока он эту страхолюдину не нашел, мир его праху, был разумен, весел, прост и любил нас. Никому плохого не делал, не желал. Старался, места не находил, чтобы во всем меня, дочерей ублажить... А четвертым я родила сыночка, но не сохранила. Доктора провели операцию, удалили ребеночка моего. Не смогла я, тварь, дать ему сына. Но муж ни разу не упрекнул. Но всё равно, любой мужчина будет себя мучить из-за отсутствия сына! Девчонка – чужая вещь! Придет время: отправят – уйдет! Сын же – продолжатель рода, свеча в доме! Но муж ни разу не высказал мне злость свою. Держал печаль свою внутри себя. Как о сыне разговор, так вздохнет и поворачивает разговор в другую сторону... Я не желала, чтобы он вот так вот с грустью жил всю жизнь... Вначале он был не согласен: «С ума сошла, какая дура женит своего мужа!» высказался. А я начала искать девушку... Чтобы родила мне, мужу одного лишь сыночка, и чтобы женщина была без всяких претензий. Однажды к соседям приехали родственники из Китаба. А в кишлаках как, соседей к гостям тоже приглашают! Пошла я. Попыталась втереться в душу одной здесь старухи. В беседе высказала свое желание. Но не сказала, что для мужа стараюсь, сказала – для брата. «Жена не рожает, а он разводиться не хочет, жена же, порядочная оказалась, хочет на ком-нибудь его женить, на разведенке или на какой девчонке, но чтобы без детей, лишь бы родила братишке моему сына, а условия, все расходы и всё остальное я сама создам» сказала я. Старуха задумалась: «Была у нас соседка, бедняжка сейчас продала свой дом, по правде говоря – отдала за долги, переехала куда-то. Как умер муж, не смогла прокормиться и прокормить детей, заболела от невзгод. Сейчас где-то на съемной квартире живет. Старшая дочь, у нее тоже жизнь не задалась с мужем, вернулась обратно. А младшенькая шустренькая была, оставила учебу и стала, как говорили, официанткой в каком-то кафе. Вот ее и можно посмотреть».

Скажете: «Все условия создам», может и согласиться! Всё равно мать ее сыграть ей свадьбу не в состоянии. Совсем нищая семья!» сказала.

Прошло несколько дней, я поехала в Китаб. Нашлу ту самую старуху, звали Зиёдой. А она уже приготовила новый адресок той своей соседки. Пошли свататься. Мать девчонки хоть и была совсем больна и немощна, но оказалась строптивой. Узнав, что сватаем мы ее дочку моему «брату» второй женой, встрепенулась и категорически отказалась: «дочка, хоть умри, ни за что не согласишься стать второй женой, соперница разве даст ей жизни!». А старуха Зиёда вплоть до дому своего шла – ворчала, дрожала аж: «не хочешь и не надо, сама-то вон в каком состоянии, а всё туда же, нос кверху, капризы, понимаешь!». Я матушку проводила до дому, а сама к себе вернулась. Всю ночь не спала – думала: «А черт с ней, что мать девушки не согласилась! Она и матушка Зиёда, что ни говори, тысячу раз женщины. Придет время, кому –нибудь этот цветочек всё равно достанется. Лучше с самой девчонкой сварганить дело, договориться с проказницей. Мать больна, тяжело им, живут впроголодь. Эх, нашелся бы человек, кто прямо ей в лицо: «Помогу, все проблемы решу», а если голова у той девчонки варит, не будет вопить, что «вторая или еще какая», согласится выскочить хоть за старика!

На следующий день, какую-то причину там придумав, опять поехала в Китаб. Хорошо, что на всякий случай спросила у старушки той Зиёды имя этой девчонки. Вблизи от их дома в четвертых-пяти столовых спросила о ней и нашла ее наконец. Звали Садокат. Миловидной оказалась, красивой девушкой. Одета просто, но всё ей шло. Я аж загорелась внутри. Разве можно было устоять перед ее черными прекрасными глазами, перед ее бровями дугой, перед черными как смоль душистыми волосами, стройной как кипарис фигурой. А потом потянулась назад, подумала, я же с ней могу потерять мужа, отца моих детей, проиграю всё, у него же глаза откроются на мир. «Отрезая волосы, не отрежу ли голову!» спросила я еще себя и даже решила отказаться от всей этой задумки. Но успокоила себя... Чтобы не спугнуть Садокат, не родить в ее душе всякие подозрения, сказала ей: «Брат мой человек хороший, невестка тоже золото, но у них нет детей. Вот и развестись хотят. Вы с ним встретитесь! Сам он парень находчивый, всё у него есть! Вашу жизнь поправит, наполнит. Вы посмотрите, не понравится, ваше право! На девушку тысячи глаз смотрят, а берет один». Вот так, как смогла всякими словами решила совратить ту. Девушка не сказала «нет». Часть задачи была решена. Теперь предстояло уговорить мужа. Приехала домой и ночью перед сном попыталась объяснить мужу всё, что я придумала. «Уж он –то сейчас отчитает меня!» подумала. Но он немного посопротивлялся, а потом со словами «сама знаешь, решай сама» повернулся на бок. С одной стороны, радовало, что я так быстро достигла своей цели, а с другой, то, что он так быстро согласился, грызло, разрывало мою грудь, и так сердце мое трепетало, как будто собака царапала, скребла лапами.

Всю ночь готовила мужа «додарила», наконец. А рано утром мы вместе выехали в путь. Ехали тихо, не общались, но я чувствовала, что у него в душе творится. Наверное, был рад, доволен! Хоть и наружу не выражал чувств своих, внутри-то – как бы быстрее достичь красавицы, желал увидеть ее лик, это уж точно. Все мужики одинаковы! Он не исключение! Хоть бы для моего спокойствия, душевного равновесия не сказал: «оставь, жена, у нас ведь есть прекрасные, любимые дочки. Они никак не меньше любого сына. Я желаю сына, а ты его разве не желаешь. Дай бог, пойдут и внуки когда-нибудь!». Сегодня соединю их, а завтра как бы не разводить – подумала. Все условия для той создадим, а если Садокат возьмет да не согласится отдать ребенка? Какая женщина ребенка своего в чужие руки отдаст, наверняка, не отдаст! Нот отец – то не будет ему чужим! Отдаст, так отцу, кому же еще! Чем страдать от такой вот жизни, продать дом от безысходности, побираться по чужим дворам, не мочь ухаживать за матерью, и чтобы мучила совесть, так не лучше ли это? Если вернем им их отцовский дом, будем помогать по мере возможности деньгами, что еще нужно девушке этой?! Муж намного старше ее. Небось не приклеится намертво к человеку, что в отцы ей. Да что там! С Садокат-то она как –нибудь справится, а вот если муж, чтоб ему сгинуть, с ней туго свяжется, что получится? А

если горячая молодая жена будет удовлетворять его, ненасытного, не развернется ли муженек в другую сторону? Что будет, если забудет с ней своих детей, привяжется к молодой. Кому тогда сказать про боль свою? Норбута по природе простоват, необразован, доверчив, мягок. Такого в свою петлю заманить женщине не трудно! Но теперь поздно! Всю ночь ему пела, всё рассказывала о прелестях той, а теперь что, оторвать мужа от той, кто же она после этого?! А с другой стороны, такого мужчину сдать своими руками чужой, каково будет?! Услышит кто, смеяться будет! Кто ж откажется от хорошего мужика, добытчика, смиренного и доброго, готового мужа?..

С этими мыслями я и не заметила, как добрались до Китаба. Время еще было. Погуляли по базару. Ближе к обеду направила «женишка» к «невесте» в ресторан. Через некоторое время он вернулся, весь насупленный. «Что случилось?» спросила, а он «Ничего не случилось!» отвечает. «Ох, лишь бы девчонка не ответила ему грубостью» – подумала я, вся в тревоге...

На следующий день снова пошла к Садокат. «Как мой брат тебе?» спросила только. «Да он же дяденька, взрослый» – только и ответила та. А я боялась, скажет: «Нет, не пойдет, старый совсем!». Когда уходила, сунула ей в руки деньги. Она смутилась, но деньги взяла. Значит, всё в порядке! Теперь я была уверена, что мое предложение Садокат приняла...

Как мы договорились с Садокат, они должны были пройти никох, а как родится сын, она отдаст его нам, в свою очередь, мы вернем им отцовский дом, будем помогать деньгами, поможем, чтобы вылечить ее мать, короче, поднимем ее семью на ноги.

Я обещала, что после, если она всё-таки пойдет на это, я возьму на себя и красиво проведу их свадьбу.

Вначале, как я и предполагала, всё шло гладко: мой муж взял ее супругой. Прошло совсем немного времени, соперница моя, чтоб ей, забеременела. Доктора «сын» сказали. Муж был рад до ушей. Продали из скотины пять-шесть голов, вернули Садокат их отцовский дом, мать ее вернули к жизни...

Наконец и ребенок родился. С этого и началось всё. Садокат нарушила наш уговор и отказалась отдать нам ребенка. Сколько ни призывала я ее, сколько ни умоляла, ничего не помогало. Вначале покойный муж был на моей стороне, меня поддерживал, но после открыто перешел на ее сторону. Как я начинала этот разговор, говорил, как резал мое сердце: «Нельзя отрывать ребенка от матери! Оставь ее в покое, пусть сама растит. Повзрослеет, там и посмотрим. Тебе не всё равно, ребенок-то как – никак мой! Какое имеет значение, где он живет!».

Понемногу всё совсем пошло не так, как я намечала. Поездки мужа в Китаб увеличились. Вся его любовь и внимание ко мне, к нашим детям перешла теперь к молодой его жене, к Улугбеку, сыну...

А что я могла. Сама виновата! А теперь вот молчи, заткнись, терпи уж, обязана, что делать!. Мужу только и сказала, поставила условие: «решили вторую жену богатой сделать, так и содержите равноценно обе стороны!». Он обещал...

Я теперь только начинала понимать, осознавать, что все мои тревоги и сомнения, что были в самом начале все этой истории, сбываются. Муж теперь не имел с нами никаких дел, не интересовался нами совсем, постоянно находил всякие причины, чтобы не приходиться к нам. Человек, который раньше был готов радоваться и счастлив был каждому щебету наших девочек, теперь только и твердил: «потом – потом, подождите – подождите!» и уходил от их ласк, кажется, даже ненавидел их, стал вспыльчив и похож на черствого, злобного человека. Особенно изменился в последние полгода. Мне казалось, что что-то его мучило в душе...

Вот смотрите, как мы живем! Хозяин всё, что должно принадлежать моим детям, отдал молодой жене. Построил ей роскошный дом. Наполнил его до краев всем великолепием...

Короче, сама его под белы ручки подняла и той ведьме поднесла. Ходила я к ней несколько раз, к Садокат. «Оставь моего в покое! Сделать его только своим не старайся. То, что за ребенком твоим следит, ладно. Недостатки твои устраняет! Но не рушь мой-то дом» – очень ее упрашивала-умоляла. Не получилось. Не сказав мужу, один-два раза пошла к ней и

попыталась угрожать, запугать. В сердцах, в большом гневе «убью и тебя, и мужа, похороню вас вместе!» вылетели слова из моего рта. О, Боже, видимо, услышали ангелы, донесли, бог и сказал: «аминь». Но я не хотела этого, никогда. Хоть тыщу раз нагадил бы, радовалась, видя его, ведь он отец моих детей! Аллах – свидетель...

Мастура замолкла. Подумала немного и хотела было еще что-то сказать, рот раскрыла, но изменила, кажется, свое решение, посмотрела на очень внимательно слушающего ее Санжарбека и взглядом своим намекнула: «вот и всё, что хотела сказать»...

Следователь, чтобы не дать «остыть» беседе, продолжил спрашивать:

– Вы знали о золоте, кладе вашего мужа?

– Опять вы о золоте! Какое золото! Какой клад! С утра же ваши всё тут перевернули, искали. Посмотрите на нас, посмотрите, как мы живем, мы похожи на людей, имеющих золото? Кроме того, что он приносил из загона, ничего и нет. А что он еще имел, отдал той своей женушке!

– Значит вы не знали о кладе? – повторил свой вопрос следователь.

– Какой-то клад, золото, не пойму, о чем речь – то идет? – ответила вопросом на вопрос Мастура.

– Ладно, оставим клад. Сейчас пусть это будет для следствия секрет! – Санжарбек теперь не сомневался в правдивых словах женщины. Следственный народ – психологи. По короткому разговору он понял, пришел к решительному выводу, что «она не делала этого. Она не сможет убить».

Несмотря на это, на всякий случай и чтобы избежать всяких недоразумений, он допросил и дочерей. По их показаниям почувствовал, что ничего особенного, важного тут тоже нет, на сердце вроде полегчало, успокоился...

Фахриддин проснулся рано. После легкого завтрака, отправив Аваза на слезку за домом Хикмата, сам направился в областную прокуратуру. Договорился с коллегами о выдаче санкции на проведение обыска в доме подозреваемого, об организации прослушки его телефонных разговоров, затем вернулся в музей.

– Ах, гость, хорошо ли отдохнули? – тепло спросил директор музея. Хотел уже отправить за вами машину.

– Спасибо. По улицам Самарканда на свежем воздухе лучше пешочком, – Фахриддин положил на стол свою сумку и сел на указанное место.

Директор сел напротив, помолились. Как обычно, спросили друг друга о житье – бытье. Затем хозяин резко поднялся, потребовал у секретарши кофе, несмотря на протесты вынес из шкафа сладости.

Чувствующий неудобство от лишних любезностей, следователь перешел к делу:

– Хикмат приехал?

– Он сегодня на работе. Вчера еще вернулся. Вызвать?

– Ладно, но чтобы вам не мешать...

– Ясно, понятно! Откроем вам комнату просвещения и духовности. Работайте без проблем. Или мне выйти?

– Да нет, думаю нам удобнее будет в другой комнате, – Фахриддин поднялся.

– Директор проводил его до той самой комнаты. Не прошло и сколько-нибудь времени, как в дверях появился мужчина лет 30-35, высокого роста, красиво подстриженные волосы и борода, круглое лицо, густые брови ему шли, стильно, по моде был одет.

– Вот и Хикматджан пришел, – директор пригласил мужчину. – Это из республиканской прокуратуры Фахриддин... ака...

– Фахриддин Каримович! – сказал следователь, смутившись, что человек гораздо старше его, называет его «ака – старшим братом».

– С вашего разрешения, я у себя буду! – директор направился к двери. – Если что-то понадобится...

– Да нет! Всё в порядке! Вы без проблем... – сказал Фариддин, роясь в своей сумке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.